

К 175-летию со дня рождения Е.П. Блаватской

Елена Петровна Блаватская, философ, одна из основоположниц нового космического мышления, писательница и путешественница, уникальная по силе духа женщина, женщина-легенда, родилась в 1831 году в Екатеринославле. Ее жизнь была полна исканий и чудес. С 17 лет она начала свою странническую судьбу – путешествовала по Египту, Греции и Малой Азии, Южной Америке и Индии, Китаю и Японии, Тибету, около трех лет провела в разъездах по Северной и Центральной Америке, несколько лет прожила в Англии и Германии. Последний период своей жизни она провела в Америке (1873–1878), Индии (1879–1886) и Европе (1886–1891). Блаватская написала рассказы о своих путешествиях, появившиеся позднее за подписью Радда-Бай в русской прессе под заглавиями «Из пещер и дебрей Индостана» и «Загадочные племена Голубых гор». В этих книгах нашли свое отражение таинственное прошлое великой страны, ее многовековая культура. Говорили, что по силе и энергии перо Блаватской – совершенно мужское; она была по натуре воином, бесстрашно преодолевавшим многочисленные препятствия, возникавшие на жизненном пути. В 1875 г. ею было основано Теософическое общество, ставившее своими задачами всемирное братство людей, без различия вероисповедания, происхождения и общественного положения; взаимную нравственную и материальную поддержку; изучение восточных языков и литератур, которое приближает к научно-религиозному синтезу, выработанному в величайшей колыбели мудрости – в недрах древнего и таинственного Востока; изучение психических сил человека, которое должно расширить сознание человечества, открыть ему возможность новых восприятий. В 1877 г. «Разоблаченная Изида» Е.П. Блаватской произвела эффект разорвавшейся бомбы, показав, насколько далеко зашоренное сознание западного человека от Истины. «Тайная Доктрина» (1888), созданная ею в сотрудничестве с Учителями Мудрости, и по сей день направляет людей к свету Истины. Наша великая соотечественница разработала основы нового космического мироощущения, которое раскрывает закономерности эволюционного развития человека и человечества и характеризует Мироздание как грандиозную одухотворенную систему. Идеи Е.П. Блаватской оказались таким мощным духовным магнитом, что в его пространстве не могло не возникнуть уникальное явление мировой культуры – семья Рерихов. Их творческое наследие, как и наследие Елены Петровны Блаватской, органично влилось в поток философии Космической Реальности. Е.П. Блаватская умерла 8 мая 1891 года, и день ее смерти по воле ее Высоких Наставников чувствуется как «День Белого Лотоса».

От переводчика

Статья о первоначальной программе Теософического общества является ответом на петицию двух видных членов общества, Мохини Мохан Чаттерджи и Артура Гебхарта, выступивших с обвинениями в адрес его президента Г.С. Олькотта. Статья приводится в сокращении, потому что некоторые обсуждавшиеся в ней моменты представляют сейчас лишь исторический интерес. Однако есть в ней и основополагающие программные заявления, не утрачившие своей важности и поныне и, более того, возможно, актуальные сейчас, как никогда.

Исторический контекст статьи требует пояснения. В петиции, озаглавленной «Несколько слов о теософической организации» и датированной 23 сентября 1886 года, ее авторы подвергли суровой критике организацию Теософического общества и положение в нем его президента-основателя, Генри Олькотта. Там было заявлено, что демократические институты общества по сути декоративны и президент руководит единолично, а с другой стороны, вообще подвергалась сомнению необходимость демократического избрания президента Теософического общества. В частности, в петиции было сказано: «Нельзя предложить никаких теософических мер для реформы того, что теософическим не является. Есть и другая причина этого. Тирания большинства над меньшинством противоположна принципу Братства. Истина не зависит от голосования».

Мохини Мохан Чаттерджи был, с одной стороны, учеником Махатм и обладал глубокими знаниями оккультизма. В написанной им совместно с Лорой Халловэй книге «Человек: фрагменты забытой истории» впервые были опубликованы многие сведения, впоследствии в более подробном виде раскрытые в «Тайной Доктрине» Блаватской. Но с другой стороны, ему не доставало практических знаний о том, каким образом духовность может быть проявлена в современном западном обществе. Он, по-видимому, чересчур отделял «мирское» от «духовного», чем грешат и сейчас многие из тех, кто считает себя современными последователями Махатм.

В то же время и Чаттерджи, и Гебхард, и многие другие именно благодаря Теософическому обществу и его искусно спланированной организации смогли получить свои знания, тем более что

получали они их не для себя, а для других. «Неблагодарность не числится среди наших пороков»¹, – говорили Учителя, и именно поэтому Е.П. Блаватская в своей статье встала на защиту Генри Олькотта и других работников штаб-квартиры. Не говоря уже о том принципе, согласно которому, услышав что-то плохое о другом теософе, требовалось незамедлительно выступить в его защиту; если же точно было известно, что это правда, предписывалось промолчать. Печально наблюдать, что и в наше время среди некоторых исследователей истории Теософического общества заметна тенденция недооценивать Олькотта и его деятельность – иногда они склонны видеть в нем просто человека, которому довелось быть рядом с Блаватской и который даже не вполне воспользовался преимуществами, которые он мог бы от этого получить. Но роль его заключалась совсем не в этом. Без его организаторских талантов Теософическое общество могло и не состояться. Учитель М. писал о нем: «Подыскивая, мы нашли в Америке человека, годного стать вождем, человека большого нравственного мужества, самоотверженного и обладающего другими хорошими качествами. Он далеко не был самым лучшим, но (как мистер Хьюм говорит о Е.П.Б.) он был лучшим, какого можно было достать. С ним мы соединили женщину с наиболее исключительными и чудесными дарованиями. Вместе с тем у нее были большие личные недостатки; но и такой, какой она была, она осталась непревзойденной, так как не было на свете более подходящего человека для этой работы. Мы послали ее в Америку, свели их вместе, и испытание началось. С самого начала и ей и ему было дано понять, что исход всецело зависит от них самих. И оба они предложили себя для этого испытания, за некоторое воздаяние в далеком будущем, как бывало говорил К.Х.², в качестве солдат, добровольно вызвавшихся на безнадежное дело»³. Интересно, что в некоторых азиатских странах Олькотт, в связи с его работой по возрождению буддизма, известен даже больше, чем Блаватская, и в этом нет ничего удивительного, если вспомнить имеющиеся в теософической литературе упоминания о том, что в своей прошлой жизни он уже внес в это значительный вклад.

Были и другие люди, напротив, недооценивавшие роль Блаватской и считавшие, что свои-

¹ Письма Махатм. Самара, 1993. С. 20

² Учитель Кут Хуми.

³ Письма Махатм. С. 190 – 191.

Е.П. Блаватская и Г.С. Олькотт. Лондон, 1888

ми феноменами и прямолинейным характером она только наносит Теософическому обществу ущерб. Будучи выше личных амбиций и ставя во главу угла интересы дела, она отошла от прямого руководства обществом и уехала в Европу, оставив всю административную работу на Олькотта. Но тут же нашлись недовольные и Олькоттом.

В послании Чаттерджи и Гебхарда, по-видимому, не было ничего злонамеренного; оно явилось результатом искреннего непонимания, и именно поэтому Блаватская возвращается к основным принципам, на которых должна строиться работа Теософического общества и которые не теряют актуальности и теперь.

Теософическое общество часто путают со школой оккультизма, в то время как оно таковой не является. По внешней своей структуре оно сродни существующим многочисленным светским научным обществам, и структура эта призвана устранить некоторые физические препятствия, которые могут возникнуть у нас в нашем индивидуальном поиске истины и осуществлении главной цели общества – братства. Авторы послания называют членские взносы «продажей братства», и на этом следует остановиться подробнее, потому что финансовый вопрос сгубил многие благие начинания и продолжает эффективно губить их и сейчас. Взносы на поддержание светской организации вполне допустимы,

однако недопустимо взимание денег за оккультные знания. Это довольно четкая граница, но нежелающие видеть ее то осуждают практику собирания взносов, как авторы петиции, то взимают таксу за лекции и семинары по оккультизму, мотивируя это тем, что им надо на что-то жить, или даже благом учеников, которые, отдавая деньги за получаемые знания, тем самым якобы облегчают свою карму.

Хотя Теософическое общество является светским и демократическим, есть в нем в то же время нечто роднящее его и с духовными орденами, – а именно братские чувства, которые его членам надлежит испытывать друг к другу. Однако это последнее, увы, не вполне еще стало фактом, и потому предлагаемая здесь статья Блаватской, за вычетом некоторых моментов, имеющих только исторический интерес, все еще актуальна так же, как и в момент ее написания. Великая основательница Теософического общества призывает нас быть терпимее друг к другу, меньше критиковать работу своего брата и больше сосредоточиться на своей собственной работе для Всемирного Братства. Одним индийским теософом этот подход был выражен в следующих словах: «Единство в принципиально важном, свобода во второстепенном и милосердие во всех мотивах».

К.А. Зайцев

Е.П. Блаватская. Лондон, 1890–1891

Е.П. Блаватская

О первоначальной программе Теософического общества

Чтобы не осталось места для превратных толкований, членам Теософического общества следует напомнить о том, как оно появилось в 1875 г. Будучи послана в США в 1873 г. с целью организации группы работников на психическом плане, позже я получила указания от своего Учителя и Наставника образовать ядро регулярного общества, цели которого в общем были сформулированы следующим образом:

1. Всеобщее Братство.
2. Между членами не должно делаться никакого различия в зависимости от расы, веры или социального положения, но каждый член должен оцениваться исключительно по его личным заслугам.
3. Изучать философии Востока, в основном Индии, и постепенно представлять их публике в различных работах, интерпретирующих экзотерические религии в свете эзотерических учений.
4. Противостоять материализму и богословскому догматизму всеми возможными способами, демонстрируя существование в природе оккультных сил, неизвестных науке, а также присутствие психических и духовных сил в человеке; в то же время стараться расширять взгляды спиритов, показывая им, что кроме духов умерших

есть многие иные посредники, участвующие в создании феноменов. Суеверия нужно разоблачать и избегать их, а оккультные силы, благотворные и вредоносные, – всегда окружающие нас и проявляющие разными путями свое присутствие, – демонстрировать так, как только позволяют нам наши способности.

Такова была эта программа в общих чертах. Двум главным Основателям не было сказано, что они должны делать, как обеспечить и ускорить рост Общества и желаемые результаты; не было им сообщено и каких-либо определенных идей касательно его внешней организации – все это было полностью оставлено на их собственное усмотрение. Так что, поскольку нижеподписавшаяся не обладала способностями к такой работе, как механическое образование и администрация Общества, управление последним было передано в руки полковника Г.С. Олькотта, выбранного тогда первоначальными основателями и членами пожизненным президентом. Но хотя двум Основателям не сказали, что им нужно делать, их четко проинструктировали насчет того, чего они делать не должны, чего избегать и чем Теософическое общество никогда не должно становиться. В качестве противоположностей будущему Обще-

ству были приведены в пример церковные организации, христианские и спиритуалистические секты¹.

Чтобы это стало яснее, конкретизирую:

1) Основатели должны были употреблять все свое влияние, чтобы противодействовать любому рода своекорыстию, настаивая на искренних, братских чувствах между членами – по крайней мере внешне; работая над этим, добиваться духа единства и гармонии, невзирая на великое разнообразие вероисповеданий; ожидать и требовать от членов великой взаимной терпимости и милосердия по отношению к недостаткам друг друга; взаимопомощи в поиске истины во всякой области – нравственной или физической, – и даже в повседневной жизни.

2) Они должны были в самой сильной степени, как только возможно, противодействовать всему, что приближается к догматической вере и фанатизму – в том числе вере в безупречность Учителей, или даже в само существование наших невидимых Наставников; такой фанатизм следовало пресекать с самого начала. С другой стороны, поскольку требовалось глубокое уважение к личным взглядам и верованиям каждого чле-

на, всякий член, осуждающий веру или религию другого, ранящий его чувства или демонстрирующий назидательное самоутверждение, имеющее характер выговора, когда его о том не просят (взаимный же дружеский совет является долгом, если от него не отказываются) – такой член должен был исключаться. Великий дух свободного исследования, не сдерживаемый кем-либо или чем-либо, должен был поощряться.

Таким образом, в первый год члены теософического объединения, в котором были представлены как все классы общества, так и все верования и взгляды – там были христианские священники, спириты, вольнодумцы, мистики, масоны и материалисты, – жили и встречались по этим правилам в мире и дружбе. Было два или три случая исключений за клевету и злословие. Правила, какими бы несовершенными они ни были, будучи пробными, строго исполнялись и уважались членами. Первоначальный вступительный взнос в 5 долларов был вскоре отменен как несовместимый с духом объединения – члены с энтузиазмом обещали поддерживать родительское Общество и оплачивать расходы на машины для экспериментов и книги, а также работу секретаря-

¹ Один член Т. О., христианин либеральных взглядов, возражал против изучения восточных религий и сомневался, осталось ли еще место для какого-либо нового общества. Нами было получено письмо с ответом на его возражения и предпочтение христианства, и его содержание было скопировано для него, после чего он больше не отрицал желательность такого общества, как предлагаемая Теософическая Ассоциация. Некоторые выдержки из этого раннего письма ясно покажут природу общества, как она замыслилась тогда, и лучше всего передадут намерения истинных инициаторов создания общества в то время. Этому благочестивому джентльмену, объявлявшему себя теософом и притязавшему на право судить других людей, было сказано: «Вы не имеете права на такое звание. Вы лишь фило-теософ, ибо достигший полного понимания имени и природы теософа не станет заниматься суждениями о людях и поступках..... Вы заявляете, что ваша религия – высший и последний на земле шаг к божественной Мудрости и что она влила в артерии старого разлагающегося мира новую кровь, жизнь и истины, оставшиеся неизвестными иноверам? Если бы это и вправду было так, то ваша религия ввела бы эти высшие истины во все общественные, гражданские и международные отношения христианского мира. Но вместо этого, как всякий может видеть, ваша общественная, как и частная, жизнь не основывается на общей нравственной солидарности, а лишь на постоянном взаимном противодействии и чисто механическом равновесии индивидуальных сил и интересов..... Если бы вы были теософом, вы бы не действовали так, как те вокруг вас, что зывают к Богу Истины и Любви, а служат темным силам Могущества, Жадности и Удачи. Мы всматриваемся в вашу христианскую цивилизацию и видим все те же стародавние печальные признаки: реалии вашей повседневной жизни диаметрально противоположны вашему религиозному идеалу, но вы этого не чувствуете. Мысль о том, что сами законы, управляющие вашим существованием, будь то в области политики или социальной экономики, болезненно сталкиваются с началами вашей религии, похоже, ни в малейшей степени вас не беспокоит. Но если нации Запада столь глубоко убеждены, что идеал никогда не может стать практическим, а практическое никогда не достигнет идеала – тогда вы должны сделать свой выбор: или ваша религия неосуществима на практике и тогда она не более, чем величественная, но пустая иллюзия, или же она может найти практическое применение, но это вы сами не заботитесь о том, чтобы применить ее этику к вашей повседневной жизни..... Потому, прежде чем пригласить другие народы к “королевскому праздничному столу”, от которого ваши гости встают еще более голодными, чем раньше, вы должны, если хотите привести их к своему образу мысли, заглянуть на те банкеты, которые они вам предлагают..... При преобладании и под властью экзотерических вероисповеданий, являющихся гротескными и измученными тенями теософических реальностей, всегда будут сохраняться все то же подавление слабых и бедных и все та же тифоническая борьба богатых и могущественных между собой..... Лишь одна экзотерическая философия, духовное и психическое сочетание человека с Природой может, путем открытия фундаментальных истин, принести столь желаемое среднее положение между двумя крайностями человеческого Эгоизма и божественного Альтруизма и в конце концов привести к облегчению человеческих страданий...» (Сноски, если не указано иначе, принадлежат Е.П. Блаватской. Слова в квадратных скобках, равно как и курсивы в цитатах из заявления Чаттерджи и Гебхарда, тоже принадлежат ей, как показало сравнение с текстом самого заявления. И в тексте, и в некоторых сносках пять точек, в отличие от трех, не означают пропусков и, по всей видимости, имели целью указать на начало новой мысли, которая выделялась особо. – Прим. ред. английского издания.)

ря-регистратора и т. д., и т. п. Это была реформа № 1. Три месяца спустя наш казначей мистер Х. Дж. Ньютон, богатый джентльмен из Нью-Йорка, засвидетельствовал, что никто не заплатил ему, или иначе, не помог оплатить текущие расходы на зал для собраний, канцтовары, печатание и т. п. и что ему пришлось нести тяжесть всех этих расходов одному. Недолгое время он еще продолжал выполнять обязанности казначея, а затем ушел в отставку. С тех пор за все платил Президент-Основатель, полковник Г.С. Олкотт. Он делал это в течение 18 месяцев. Затем, перед отъездом Основателей в Индию с двумя английскими делегатами (а теперь – их смертными врагами), «взносы» были восстановлены; но собранные деньги предназначались для общества Арья Самадж Арьяварты, к которому Теософическое общество было присоединено. Это Президент-Основатель оплатил огромные расходы на путешествие из Америки в Индию и обустройство в Бомбее и поддерживал упомянутых делегатов из собственного кармана на протяжении почти полутора лет. Когда ни у него, ни у секретаря по переписке не осталось больше денег, была принята резолюция, что «вступительные взносы» должны идти на поддержание Штаб-квартиры.

Благодаря быстрому росту общества в Индии постепенно возникли нынешние Правила и Устав. Они не были созданы по задумке или капризу Президента-Основателя, а стали результатом ежегодных собраний Генерального Совета, проходивших в годовщины. И если члены Совета составили их так, чтобы дать Президенту-Основателю более широкую власть, то это было результатом их абсолютного доверия ему благодаря его преданности и любви к Обществу, а вовсе не доказательством его властолюбия, на что намекалось в памфлете «Несколько слов», о чем, однако, позже.

То, что организация Теософического общества была очень несовершенной, никогда не отрицалось. Людям свойственно ошибаться. Но если можно показать, что президент делал все, что мог при данных обстоятельствах, и лучшим способом, который он только знал, то никто, и менее всего – теософ не может обвинить его в грехах всего сообщества, как это делается сейчас. От основателей до самого скромного из членов наше Общество состоит из несовершенных

смертных людей – а не из богов. Это всегда заявлялось его лидерами. «Тот, кто без греха, пусть бросит первый камень». Это долг каждого члена Совета – давать советы и выносить на общее обсуждение всякие некорректные действия. Один из истцов – член Совета. Никогда не пользовавшийся своими правами члена Совета в том, что касается провозглашаемых ныне жалоб, а потому не имеющий того оправдания, что его честные доклады, мол, не выслушивались, он, вынося на публику то, о чем сначала должен был заявить в Совете, грешит против правила XII. Вся его бумага теперь читается как клеветническое поношение и полна нетеософских и небратских намеков, чего авторы могли вовсе и не иметь в виду.

Это Правило XII – одно из первейших и мудрейших. Именно из-за того, что президент пренебрег его обязательным исполнением, когда оно было нужно больше всего, он навлек на себя свою нынешнюю кару². Это его слишком большая снисходительность и немудрая небрежность привели ко всем этим обвинениям в злоупотреблении властью, властолюбию, показухе, тщеславии и тому подобному. Давайте посмотрим, насколько они были заслуженными.

Как показывают последние 12 лет, Основатель почти в одиночку трудился в интересах Общества и общего блага, а не своего собственно, и единственное сетование, какое можно было от него услышать, что у него не остается времени на саморазвитие и учебу. Результаты предмета этой весьма справедливой жалобы вылились в то, что те, ради кого он трудился, были первыми, кто бросил ему упрек в невежестве относительно некоторых индусских терминов и использовании одного термина вместо другого, – например, в одном случае, в применении к одному индусскому челе термина «дживанмукта»! Да уж, воистину ужасное преступление..... Мы знаем о «челах», которые, будучи индусами, уж точно никогда не перепутают такие известные термины своей религии, но, с другой стороны, следуют своей высочайшей Теософской Этике и продвигаются к уровню дживанмукты прямой дорожкой эгоистических амбиций, лжи, клеветы, неблагодарности и злословия. Все дороги ведут в Рим, это очевидно, и в природе есть такое явление, как «махатмы»-дугпы..... Однако для дела теософии и истины было бы желательно, чтобы все крити-

² С годами мудрое правило, согласно которому всякий член, виновный в злословии или клевете, после предоставления достаточных свидетельств должен был исключаться из Общества, перестало действовать. Было два или три отдельных случая исключения за это членов, не игравших важной роли. Европейцам с именем и положением позволялось буквально поливать Общество грязью и клеветать на своих братьев с полной безнаказанностью. Это карма президента – и она справедлива.

ки нашего Президента были пусть не столь учеными, но стремились бы к уровню его всепрощающей доброй природы, его глубокой честности, искренности и бескорыстию, как остальные члены, менее склонные обращать свои уши к тем, кто, подобно упомянутым «викариям Брэя», развили ненависть к Основателям – по причинам неизвестным.

Этот совет предлагается двум теософам, которые недавно сформулировали свои «Несколько слов о теософической организации». То, что они не одиноки в своих жалобах (которые, будучи переведены с их дипломатического языка на обычный, в данном случае выглядят во многом как просто *querelle d'allemand*³) и что эти жалобы в большой мере справедливы, мы честно признаем. Потому автору должно быть позволительно говорить в этом ее ответе о теософии и теософах в общем, вместо того, чтобы ограничить Ответ исключительно высказанными жалобами. У меня нет ни малейшего желания переходить на личности, но все же в последнее время из-за вечного трения именно таких «эгоистичных личностей» в Обществе скопилось столько раскаленного материала, что, конечно же, будет мудро вовремя затушить эти искры указанием на их истинную природу...

Как и в случае с Махатмами и адептом, активную работу Теософического общества (вольнo или невольнo – не мне решать) путают с теософией. Здесь нет нужды вдаваться в разницу между горшком, содержащим жидкость, и самой жидкостью, или ее природой. Нам говорят: «Теософия учит само-культуре а не контролю». Но теософия учит взаимной культуре, которая должна предшествовать само-культуре. Единство – это сила. Именно собрав многих теософов одного типа мышления в одну или более групп и тесно объединив их узами братского единства и симпатии, можно осуществить цели взаимного развития и прогресс теософической мысли. «Само-культура» – это для изолированных хатха-йогов, независимых от какого-либо общества и избегающих общения с человеческими существами; и это есть ЭГОИЗМ тройной степени очистки. Для настоящего нравственного развития – «где двое или трое соберутся» во имя ДУХА

ИСТИНЫ, там и Дух Теософии будет среди них. Говорить, что теософия не нуждается в Обществе, проводнике и центре ее, это все равно, что утверждать, что мудрость веков, собранная в тысячах томов Библиотеки Британского Музея, не нуждается ни в здании, где они хранятся, ни в самих содержащих ее трудах. Почему бы не посоветовать британскому правительству, проявившему столь мирскую ориентацию и недостаток понимания, уничтожить музей и все проводники мудрости? Зачем тратить такие суммы денег и платить столь многим служащим за то, что они присматривают за его сокровищами, тем более что многие из них совсем непричастны Духу этой Мудрости и даже противостоят ему? Директора таких музеев могут быть или не быть очень совершенными людьми, а некоторые из их помощников никогда и не открывали ни одного философского труда; и тем не менее это они, заботящиеся о библиотеке и сохраняющие ее для будущих поколений, будут достойны благодарности последних. Насколько же большей благодарности достойны те, кто, как наши жертвующие собою теософы в Адьяре, посвящают свою жизнь и щедро служат благу человечества! <...>

Продолжим. Обвинения доходят до следующих замечаний, столь глубоких, что нужна более светлая голова, чем наши, чтобы прознать, что лежит за словами, в них содержащимися. «Теософическое общество – братство или нет? – вопрошает истец, – а если да, то возможно ли иметь в нем какой-либо центр произвольной власти?⁴ Утверждать необходимость такого центра – лишь окольный путь сказать, что никакое братство невозможно вообще⁵, и фактически сама необходимость такого центра никоим образом не доказана. [?!] Несомненно, существовали братства, возглавляемые отдельными учителями [были и еще есть. – Е. П. Б.]⁶, но в таких случаях учителя никогда не избирались по географическим или иным соображениям [?]. Естественный предводитель людей всегда узнавался по тому, как он воплощает дух человечества. Устраивать выборы – это почти святотатство. Величайший из людей – это тот, кто всегда больше всех готов служить и все же не сознает Служения. Давайте остановимся, прежде чем окончательно навесить жернов

³ Здесь может иметься в виду юридический термин *querela*, иск, а поскольку Гебхард находился в Германии, оттого и *Allemand*. – *Ред. английского издания.*

⁴ Такое обвинение, как в произвольной власти, выдвигается в первый раз с тех пор, как существует Теософическое общество. Немногих можно найти с таким ходом мыслей.

⁵ Нет нужды в окольных путях говорить, что никакое братство никогда не было бы возможно, если бы много теософов разделяли весьма оригинальные взгляды написавшего это.

⁶ Здесь и далее фразы в квадратных скобках принадлежат Е.П. Блаватской. – *Прим. перев.*

мирского на шею теософии. Давайте не будем забывать, что теософию не взрастить среди нас силой и управлением, но делается это лишь благодаря солнечному свету братских отношений и росе самозабвения. Если мы не верим в Братство и Истину, то давайте посыпем свои головы пеплом и будем плакать в рубищах из мешковины, а не радоваться в багряницах власти и праздничных одеждах гордости и мирских интересов. Уж лучше, чтобы имя теософии никогда не было услышано, чем использовалось бы как девиз для института папства».

Кому из не знающих, что вся эта цветистая риторика направлена против несчастного Президента-Основателя, по прочтении этого не представится образ Александра Борджиа, Калигулы, или, по крайней мере, генерала Бута в его новейшей метаморфозе! Когда, как и чем наш добродушный, бескорыстный и всегда любезный Президент заслужил такую цицеронову тираду? Осуждаемое нашим обвинителем положение вещей существует уже почти 12 лет, и обвинитель знал о нем и даже принимал активное участие в организационных делах, съездах, советах, составлении правил и т. п. в Бомбее и в Адьяре. Эта злобная вылазка, несомненно, была сделана благодаря «САМО-КУЛЬТУРЕ»? Критик перерос Движение и отвернулся от первоначальной программы; оттого и его суровость. Но где тут истинно теософское милосердие, терпимость и «солнечный свет братства», о которых только что говорилось и на которых он так настаивал? Воистину, легко проповедовать «росу самозабвения», когда больше не о чем думать, кроме как о сочинении таких вот гладких фраз. Вот если бы ежедневные потребности и даже удобства, жилье, обстановка и прочее каждого теософа в Адьяре обеспечивались бы каким-то более богатым теософом и «солнечный свет братских чувств» изливался на него, как и на критика, нашедшего себе бесконечную братскую заботу и доходящую до самопожертвования преданность двух других благородно мыслящих членов, тогда бы Президенту-Основателю было бы мало нужды вызывать к нашим теософам и унижаться перед ними. Ибо, если он вынужден выпрашивать два шиллинга в год, то это для того, чтобы те европейцы и индийцы, которые денно и нощно работают в Адьяре, служа бесплатно и получая за это мало благодарности и чести, могли иметь хотя бы одноразовое питание. Свежей «росе самозабвения» нельзя позволять охлаждать сердце и превращаться в смертоносный прах забвения, тем более в такой степени, как это имело место. Наш стро-

гий критик, похоже, упустил из виду тот факт, что во время последнего кризиса вся команда наших преданных адьярских работников, начиная от Президента и до младшего из братьев, служащих в конторе, целыми месяцами жили на 5 пенсов в день, ограничив свою еду до минимума. И эти гроши, годовые взносы в 2 шиллинга, совместно уплачиваемые некоторыми, теперь называются поборами и желанием жить «в багряницах власти и праздничных одеждах гордости и мирских интересов»!

Наш «брат» прав: давайте «плакать в рубищах и посыпать головы пеплом», раз уж Т. О. придется переносить еще больше такого небратского критицизма. Действительно, «гораздо лучше было бы, чтобы имя теософии никогда не было услышано, чем если бы оно использовалось как девиз» – не папской власти, которой в Адьяре нигде нет, кроме как в воображении критика, а «фанатизма от саморазвития». Все великие услуги, оказанные жалобщиком Обществу, вся благородная работа, проделанная им, поблекнут и исчезнут перед таким проявлением жестокосердия. Ведь он не может желать уничтожения Общества? Да если бы и желал, это было бы бесполезно: Т. О. не может быть уничтожено как объединение. Это не в силах ни Основателей, ни их критиков; и ни друг, ни враг не может разрушить то, чему суждено существовать, несмотря на все ошибки его предводителей. То, что было основано «Высокими Учителями» и создано с их помощью и под их патронажем, если не под прямым руководством, ДОЛЖНО И БУДЕТ ЖИТЬ. Все и каждый из нас в нем получают свою карму, но проводник теософии будет стоять нерушимо, и его не сокрушит рука ни человека, ни демона. «Истина не выясняется голосованием», но в случае нашего премного оскорбляемого Президента-Основателя она выявится демонстрацией фактов. Терниста и полна западной крутая тропа, по которой в первые годы ему пришлось карабкаться в одиночку, без всякой помощи. Ужасно было внешнее сопротивление Обществу, которое ему предстояло построить, и болезненным и разочаровывающим бывало предательство, с которым он часто встречался в Штаб-квартире. Повсюду враги скалили ему зубы прямо в лицо, а те, кого он считал верными друзьями и сотрудниками, предавали его и Дело при малейшей к тому провокации. И там, где сотни других бы изнемогли и бросили в отчаянии все предприятие, он стойко и непоколебимо продолжал взбираться вверх и трудиться, как и раньше, без страха и усталости, поддерживаясь одной лишь мыслью и од-

ним убеждением, что он выполняет свой долг. Какой иной побудительный мотив имел Основатель, кроме своего обета теософа и чувства долга по отношению к Тем, кому он обещал служить до конца жизни? У него был один маяк – рука, впервые указавшая этот путь вверх, – рука Учителя, которого он так любит и чтит и которому так преданно, хотя, может быть, и не всегда мудро, служит. Как президент, избранный пожизненно, он тем не менее не раз был готов уйти в отставку в пользу любого, кто оказался бы более достойным, чем он, но ему ни разу не позволило большинство, и это было не «подъемом рук», а «подъемом сердец», поскольку немногие больше, чем он, любимы большинством даже тех, кто иногда критикует его действия. И это только естественно: хотя много может найтись вокруг него таких, кто более искусен в администрировании, учен в философии, метафизике, умел в тонкой казуистике или повседневной политике, но можно обыскать весь земной шар и не найти человека столь преданного своим друзьям, верного своему слову и преданного реальной, практической теософии, как наш Президент-Основатель, а это и есть главные требования для предводителя движения, которое стремится стать братством людей. Обществу не нужны Лойолы; оно должно избегать всего такого, что приближается к казуистике, не нужны нам и слишком большие казуисты. Там, где каждая индивидуальность должна вырабатывать собственную карму, суждение казуиста, берущегося объявлять состояние души своего брата или направлять его совесть, бесполезно и может быть определенно вредным. Основатель не притязает на то, чтобы иметь больше прав, чем любой другой член Общества: у него есть право личного суждения, которое, если расходится с мнением отделений или индивидуальных членов, тихо откладывается в сторону и игнорируется – как было показано самими жалобщиками. Это единственное преступление обвиняемого, и ничего худшего, чем это, нельзя положить к его дверям. И какую же награду получает этот добрый человек? Ему, который никогда не отказывал в услугах, выходящих за то, что он считает своими должностными обязанностями, ни одному живому существу; ему, который спас дюжины людей, молодых и старых, от беспутной и часто безнравственной жизни, а других – от страшных переделок, в которые они попали, дав им безопасное убежище в Обществе; ему, который поставил других благодаря положению в этом Обществе на вершину святости, тогда как иначе они могли бы оказаться сейчас в се-

тях «мирского», если не в еще худшем положении; ему, истинному другу всякого теософа, и вправду «больше всех готовому к служению и не сознающему его», теперь делают выговор, и за что? За незначительные ошибки, за бесполезные «особые указы», за скорее детскую, чем нетеософскую любовь к внешним эффектам, что делается только из чистой преданности своему Обществу. Стоит ли нам быть настолько немилосердными к человеческой природе, чтобы назвать нетеософским, мирским и грешным естественное побуждение матери так одеть своего ребенка и так показать его, чтобы он выглядел с лучшей стороны? Над таким сравнением могут посмеяться, но разве что лишь те, кто подобно фанатичным христианам древности и голым и лохматым йогам Индии больше не имеет никакого снисхождения к малейшим человеческим слабостям. И все же сравнение это совершенно верное, поскольку Теософическое общество есть дитя и любимое создание Основателя; его можно вполне простить за эту чрезмерную любовь к тому, ради чего он трудился и страдал больше, чем все другие теософы, вместе взятые. За это он был назван «мирским», «властолюбивым» и «нетеософским». Замечательно, но тогда пусть любой беспристрастный судья сравнит жизнь Основателя с жизнями большинства его критиков и посмотрит, которая была наиболее теософской с самого начала существования Общества. И если не достигнуто лучших результатов, то не Президенту нужно делать выволочку за это, а самим членам, так как он всегда старался помочь росту Общества, тогда как его «члены» либо ничего не сделали для этого, либо создавали препятствия на пути его прогресса – активно или по небрежению. Лучше уж немудрая деятельность, чем лошадиная доза слишком мудрой бездеятельности, апатии и безразличия, которые всегда означают смерть предприятия.

Тем не менее, это члены теперь стремятся воссесть на троне Соломона, и это они говорят нам, что Общество бесполезно, его Президент определенно вреден, а от Штаб-квартиры надо избавиться, как от «организации, называемой теософической, но являющей многие черты, серьезно мешающие прогрессу теософии». Деревья, однако, узнаются по плодам. Только что было показано, что никакие «особые указы», исходящие из «центра власти», именуемого Адьяром, никоим образом не могли воздействовать ни на отделения, ни на отдельных людей, а потому всякий теософ, склонный к «само-культуре», «само-инволюции» или любому другому

виду самости, волен заниматься этим; а вот если он, вместо того чтобы пользоваться своими правами, будет употреблять свои мозговые способности на критику действий других людей, тогда это он становится тем, кто чинит препятствия, а вовсе не «организация, называемая теософической». Ибо, если где на земном шаре и практикуется теософия, так это в Адьяре, в Штаб-квартире. Пусть «те, кто заинтересованы в прогрессе истинной теософии», к которым взывают авторы, осмотрятся вокруг и рассудят. Пусть посмотрят на отделения и сравнят их с группой, работающей в этом «центре власти». Полюбуйтесь на «прогресс теософии» в Париже, Лондоне и даже в Америке. Узрите в великом «братстве» настоящий пандемоний, которым мог бы гордиться сам Дух Вражды и Ненависти. Повсюду – ссоры и борьба за господство; а в последние два года – злословие, клевета и постоянные скандалы. В общем, настоящее поле брани, на котором некоторые члены, пытаясь опозорить других, так опозорили себя и свое Общество, что своими копаниями в могилах прошлого в надежде извлечь старые забытые сплетни и скандалы стали больше похожи на гиен, чем на людей!

И только в Адьяре, штаб-квартире Теософического общества, теософы таковы, какими они должны быть везде: истинные теософы, а не просто философы и софисты. Только в этом центре сейчас собрались немногие практически работающие члены, которые тихо и непрерывно трудятся, тогда как те братья, для блага которых они работают, сидят в *dolce far niente*⁷ Запада и критикуют их. Разве это «истинно теософское и братское дело» – советовать ликвидировать единственный центр, где совершается по-настоящему братская и гуманитарная работа?

«Теософия сначала, организация потом». Золотые слова. Но где бы слыхали сейчас о теософии, если бы не было организовано общество для нее, прежде чем ее дух и спрос на нее распро-

странились по всему миру? И изучались ли бы когда-нибудь веданта и другие индийские философии в Англии вне стен Оксфорда и Кембриджа, если бы не было той организации, которая выудила их, как забытые жемчужины, из океана забвения и невежества и представила их миру профанов? Нет, добрые братья и критики, сами индусские толкователи этой возвышенной философии не были бы известны вне стен Калькутты, если бы не Основатели, которые, следуя полученным УКАЗАНИЯМ, добились признания замечательной учености и философии этих людей в главных центрах культуры и цивилизации Европы – Лондоне и Париже. Воистину, ломать – не строить. Слова «небратский» и «нетеософский» постоянно звенят в наших ушах, но чрезмерного избытка по-настоящему теософских действий и слов что-то не встретит у тех, кто часто повторяет эти порицания. Но какими бы незначительными ни были добрые дела и каким бы ограниченным ни было их направление, все равно они будут всегда иметь больше веса, чем пустая и тщеславная болтовня, и будут теософией, тогда как теории без всякого практического осуществления будут в лучшем случае философией. Теософия есть всеобъемлющая наука; многие пути ведут к ней, как многочислен-

ны фактически и ее определения, начиная с возвышенных, данных во времена Аммония Сакка, и кончая смехотворными, как в словаре Вебстера. Нет такой причины, почему бы наши критики могли бы притязать на исключительное право знать, что такое теософия, и определять ее. Теософы и теософические школы были на протяжении последних 2000 лет, с Платона до средневековых алхимиков, которые, надо полагать, знали цену этого термина. Потому, когда нам говорят, что «вопрос не в том, делает ли Т. О. добро, а в том, делает ли оно тот вид добра, который достоин имени теософии», мы можем осмотреться вокруг и спросить: а кто судья в этом спорном вопросе? От одного из величайших теософов

Личная печать Е.П. Блаватской

⁷ Сладком ничегонеделании (итал.).

всех времен мы слышим, что «кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя» [теософии], получит награду большую, чем все ученые книжники и фарисеи. «Горе миру от оскорблений!» Учителя никогда не делались в Теософическом обществе предметом веры. Но для его Основателей указания, полученные от них при его создании, всегда оставались священными. Вот что написал один из них в письме, сохраненном и поныне:

«Теософия не должна представлять собой просто коллекцию моральных истин и метафизической этики, излагаемую в теоретических диссертациях. Теософию нужно сделать практической, а следовательно – освободить от нагромождений бесполезных дискуссий: она должна найти объективное выражение во всеобъемлющем кодексе жизни, оплодотворенном ее духом – духом взаимной терпимости, милосердия и любви. Ее последователи должны явить пример твердой и неукоснительно применяемой нравственности, прежде чем получают право указывать, даже по-доброму, на отсутствие подобного этического единства и целеустремленности у других объединений или индивидуальностей. Как было сказано ранее, ни один теософ не может порицать своего брата внутри или вне Общества, порочить его дела или осуждать его⁸, не теряя сам при этом права считаться теософом. Всегда отводите свой взгляд от несовершенств своего ближнего и сосредоточивайте ваше внимание скорее на ваших собственных недостатках, чтобы исправить их и стать мудрее..... Не указывайте на расхождения между заявлениями и действиями другого человека, будь это брат или сосед – лучше помогите ему в его трудном жизненном пути..... Задача истинной теософии и ее великая миссия – в том, чтобы выработать ясные, недвусмысленные представления этических идей и обязанностей, которые лучше всего удовлетворили бы наши самые альтруистические и правильные чувства, а также выражение их в таких формах повседневной жизни, где бы они могли быть применены с наибольшей справедливостью..... Такова общая работа, стоящая перед всеми желающими действовать по этим принципам. Это трудная задача, которая потребует напряженных и неослабных усилий, но это должно незаметно для вас самих повести вас к прогрессу и не оставить места для эгоистичных стремлений, выходящих за рамки..... Не погрязайте в небратских сравнениях

между задачами, выполненными вами, и работой, которая осталась несделанной вашим ближним или братом на ниве теософии, поскольку ни от кого не требуется возделывать большой участок земли, чем позволяют ему его силы и способности..... Не будьте слишком строги к достоинствам и недостаткам того, кто стремится быть принятым в ваши ряды, поскольку истина о действительном состоянии внутреннего человека может быть известна одной лишь КАРМЕ, и лишь она может вынести справедливое суждение. Даже само присутствие среди вас симпатизирующего вам человека с добрыми намерениями может магнетически помочь вам..... Вы – Вольные работники во владениях Истины, и, как таковые, должны не оставить препятствий на путях, ведущих к ней»..... Письмо заканчивается следующими строками, которые становятся сейчас совершенно ясными, поскольку дают ключ ко всей ситуации..... «Степени успеха или неудачи – вот ориентир, которому нам придется следовать, поскольку они составляют препятствия, поставленные вашими собственными руками между вами и теми, кого вы попросили быть вашими учителями. Чем ближе вы подходите к намеченной цели, тем короче расстояние между учеником и Учителем.....»

В вышеприведенных строках находится полный ответ на бумагу, составленную двумя теософами. Те, кто ныне склонен отвергать начертанную их Руку и готовы повернуться спиной ко всему прошлому и первоначальной программе Т. О., вольны сделать это. Теософическое общество – не церковь и не секта, и каждое индивидуальное мнение имеет право быть услышано. Теософ может идти вперед и развиваться, и его взгляды могут перерасти взгляды Основателей, став больше и шире во всех направлениях, вовсе не покидая той основы, той почвы, на которой они были рождены и выращены. И только тому, кто диаметрально меняет свое мнение изо дня в день и переводит свой преданный взор с белого на черное, вряд ли можно доверять в его словах и делах. Но, конечно, этого никогда не может быть с двумя теософами, которым я сейчас ответила.....

А пока – мир и братские добрые пожелания всем.

Е.П. Блаватская, секретарь по переписке Т. О. Остэнде, 3 октября 1886.

⁸ Именно вследствие этого письма в Правила была внесена статья XII, но страх проявить недостаточно предписанного милосердия часто приводил к пренебрежению обязательным ее исполнением.

А.Н. Скрябин

Среди мыслителей, чьи идеи вошли в музыкально-философскую космогонию А.Н. Скрябина, едва ли не самую важную роль сыграла наша великая соотечественница Елена Петровна Блаватская. Эти два прославленных русских мистика – композитор и философ – никогда не встречались. Елена Петровна в год рождения Скрябина навсегда покинула Россию, а скончалась она, когда композитор еще учился в консерватории. Любопытно, что в этом же 1891 году в журнале «Русский вестник» была опубликована первая отечественная книга о Блаватской – «Современная жрица Изида» Вс. С. Соловьева, заложившая печальную традицию «уничтожающей критики» всего связанного с именем основательницы Теософического общества. Брат великого философа Владимира Соловьева, автор популярных исторических романов, которыми зачитывалась вся Россия, на этот раз предстал не в лучшем свете. Вс. Соловье-

А.И. Бандура

«Тайная Доктрина» глазами А.Н. Скрябина

ву оказалась недоступна глубина личности и мыслей Елены Петровны, и он низводит их до своего уровня миропонимания. «Для каждого мало-мальски разбирающегося читателя, – напишет впоследствии Елена Ивановна Рерих, – книга эта является суровым обличением самого автора. <...> Вся тупая самонадеянность бездарности, вся подлость, предательство, лживость и мелочность его натуры так и сквозят на каждой странице»¹.

Справедливости ради стоит упомянуть о том, что «Русский вестник» не только знакомил публику со злобными измышлениями о Блаватской, но и предоставлял свои страницы ей самой. Здесь Елена Петровна под псевдонимом Радда-Бай опубликовала в 80-х годах увлекательные путевые заметки: «Из пещер и дебрей Индостана» и «Загадочные племена Голубых гор». Будоражащие воображение рассказы об экзотических тайнах далекой страны в сочетании с обилием этнографических деталей и блестящим

¹ Рерих Е.И., Рерих Н.К., Асеев А.М. «Оккультизм и Йога». Летопись сотрудничества. В 2 т. М., 1996. Т. 1. С. 246.

литературным стилем имели успех у читающей публики. Не исключено, что среди первых русских читателей Блаватской был и юный Скрябин, вообще читавший очень много. В этом случае можно предположить, что мечта Скрябина о поездке в Индию, которая в последние годы его жизни связывалась с замыслом «Мистерии», возникла у него в более ранние годы.

Мы не знаем, был ли композитор знаком с первым из двух фундаментальных трудов Е.П. Блаватской – книгой «Разоблаченная Изида», вышедшей на английском языке в 1877 г. Основной материал нашего исследования – второй (и главный) труд основоположницы современной теософии – «Тайная Доктрина», французское издание которой, по счастью, сохранилось в личной библиотеке композитора. Пять книг этого труда буквально испещрены пометками А.Н. Скрябина, число которых только в одном первом томе превышает всю совокупность пометок, сделанных композитором во всех остальных книгах библиотеки.

По свидетельству Ю.Д. Энгеля, Скрябин впервые познакомился с теософией во время гастролей в Париже в 1905 г.: «Приблизительно к той же эпохе <...> относится первое знакомство Скрябина с теософией. Произошло это в Париже, в какой-то беседе, после которой заинтересовавшийся Скрябин приобрел себе кое-что по теософской литературе. И так как грандиозный синтетический размах теософии был во многом родствен мистическим тяготениям Скрябина, он горячо увлекся новым учением. Б.Ф. Шлецер полагает даже, что единственно сильное влияние, испытанное когда-либо Скрябиным, шло именно от теософии. Скрябин читал в этот период книги об Индии (между прочим санскритскую грамматику; «Свет Индии» был его любимой книгой), по истории религии...»²

Первой книгой Е.П. Блаватской, с которой ознакомился композитор, был

«Ключ к теософии». Скрябин впервые упоминает о ней в письме из Парижа к Т.Ф. Шлецер от 22 апреля (5 мая) 1905 г.: «Читаю интересную книгу “La clef de la Theosophie” Блаватской»³.

Всегда критически относившийся к трудам других философов, Скрябин на этот раз серьезно увлекся новым учением. Через три дня, в следующем письме, он дает труду Блаватской такую оценку:

«“La clef de la Theosophie”» замечательная книга. Ты будешь удивлена, до какой степени близко ко мне»⁴.

О времени начала знакомства композитора с «Тайной Доктриной» точных данных нет. В 1905 году Скрябин мог приобрести лишь первую часть второго тома («Антропогенезис»), изданную годом раньше. Однако этот труд производит на композитора такое сильное впечатление, что в последующие годы он не только собирает три недостающих книги двухтомника (вышедшие в 1906 и 1907 гг.), но и приобретает также третий том «Тайной Доктрины», составленный после смерти автора из ее незавершенных рукописей и изданный во французском переводе только в 1909 г. (в библиотеке композитора сохранилась лишь первая книга этого тома). Каждая из книг тщательно прорабатывалась Скрябиным, о чем свидетельствуют не только многочисленные пометки в тексте, но и воспоминания современников.

Л.Л. Сабанеев, оставивший нам самое подробное описание последних лет жизни композитора, утверждает, что «Тайная Доктрина» была «настоющей книгой» композитора⁵. «Блаватская, – пишет биограф, – была для него большим священным авторитетом, чем какое-нибудь Евангелие...»⁶ В присутствии Скрябина, продолжает Сабанеев, «против Блаватской спорить было уже нельзя»⁷. Автор «Воспоминаний о Скрябине» в отличие от многих других друзей композитора (В.В. Богородского, А.А. Подгаецкого) не был приверженцем теософии, – скорее наоборот. Это скрябин-

² Энгель Ю.Д. А.Н. Скрябин // Музыкальный современник, 1916, № 4–5. С. 5–96. С. 63.

³ Скрябин А.Н. Письма. М., 1965. С. 367.

⁴ Там же. С. 369.

⁵ Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Скрябине. 2-е изд. М., 2000. С. 173.

⁶ Там же. С. 176.

⁷ Там же. С. 303.

ское увлечение вызывало у него искреннее недоумение:

«Но странное дело, у этого Скрябина, отрицавшего истину, у самого было в его “творении мира” так много понаделано разных маленьких, плохоньких истин, вроде учений Блаватской»⁸.

«И я смотрел на него и думал: “Действительно, он научился лучшему в том, что он мыслит – через свое творчество. Ведь в самом деле, не жалкие же эти и нудные бредни Блаватской были его учителями и наставниками”»⁹.

«Он верил этой Блаватской, – с досадой замечает Сабанеев, – как ребенок верит родителям»¹⁰.

Безусловно, эти характеристики учения Блаватской небеспристрастны и во многом связаны с бытовавшей в те годы соловьевской его интерпретацией. С этой позиции можно понять возмущение Сабанеева: «Почему эта <...> личность [Скрябин. – А.Б.] шла на поводу у действительно “творившего истины” и без всяких, притом, оснований “творческого духа” Блаватской?»¹¹ Но если сформулировать этот вопрос без эмоций, в научном стиле, то он оказывается вполне правомерен. Действительно, почему великий композитор, занимавшийся философией на профессиональном уровне (Скрябин принимал участие в работе Второго международного философского конгресса, был лично знаком со многими ведущими философами своего времени), остановил свое внимание именно на «Тайной Доктрине» – сочинении непризнанном, непонятом, за автором которого тянулся шлейф сплетен и домыслов? Вряд ли это можно объяснить только «грандиозным синтетическим размахом» теософской доктрины: ведь сочинения Платона, Канта, Гегеля, с которыми Скрябин был знаком, отличаются не меньшей глубиной и всеохватностью, а по логической аргументации даже превосходят труд Блаватской (что для Скрябина, склонного к выстраиванию простых и ясных схем, должно было быть весьма существенным).

Причины здесь лежат гораздо глубже, и кроются они в самой природе скрябинского феномена – в особенностях мировосприятия и творческого метода композитора-мистика.

А.Н. Скрябин часто говорил о том, что «музыка – путь откровения <...> могущественный метод познания»¹². «Это такой же настоящий путь, – утверждал композитор, – как и всякий “раджа-йога” и другие йоги – только он еще прямее и быстрее. <...> Я почти всему научился из своего творчества»¹³. Разумеется, речь здесь не шла об изучении своих, уже записанных сочинений. Скрябинский самоанализ был направлен на сам процесс создания музыкальных миров, на таинственный момент рождения из небытия звукового образа.

На определенном этапе своего развития (это произошло около 1903 года) композитор понял, что строение физического мира идентично информационным структурам человеческого сознания, что они имеют одну природу и один источник происхождения. «Камень и мечта сделаны из одного вещества и оба одинаково реальны»¹⁴, – пишет он в эти годы. Законы развития, становления («творения») мира материи аналогичны закону человеческого мышления, – следовательно, композитор, творящий новые звуковые миры, уподобляется в этот момент Демиургу, создающему из небытия проявленный мир. «Познать мир значит познать природу свободного творчества»¹⁵, – пишет Скрябин, доказывая, что сознание Бога и сознание композитора проходят в процессе создания новых феноменов сходные этапы. Универсальные законы единого «Творящего Духа» проявляются у музыканта сначала бессознательно, но по мере своего развития он начинает осознавать их, постепенно приближаясь к истокам творческого процесса, – к таинственной точке зарождения новой музыкальной Вселенной. Позже композитор заметил: «Многие мистические ощущения нельзя рассказать в словах, но звуками они передаются... Вот почему музыканту путь *легче*»¹⁶.

⁸ Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Скрябине. С. 178.

⁹ Там же. С. 139.

¹⁰ Там же. С. 95.

¹¹ Там же. С. 178.

¹² Там же. С. 139.

¹³ Там же. С. 177.

¹⁴ Записи А.Н. Скрябина // Русские пропилеи: Материалы по истории мысли и литературы. Т. 6. М., 1919. С. 179.

¹⁵ Там же. С. 147.

¹⁶ Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Скрябине. С. 162.

Сосредоточив свою творческую энергию на музыкальном отображении мистического опыта, Скрябин все же не оставляет попыток и словесного его выражения. Из-под его пера выходит стихотворная «Поэма экстаза» (созданная параллельно симфонической), а затем – грандиозное «Предварительное Действие», оставшееся без музыкального «двойника». Оба сочинения имеют огромное количество черновиков, где Скрябин не только оттачивает рифмы, но и уточняет философские понятия, конкретизирует описание космических процессов.

Из записей Скрябина видно, что за десятилетие 1904–1914 гг. его мировоззрение, способ мышления, выстраиваемая им модель Вселенной сильно эволюционировали. Можно предположить, что расширение перспективы видения глобальной Реальности («движение» мистического опыта) происходило во многом спонтанно, а понимание происходивших в сознании метаморфоз приходило к Скрябину не сразу. Обилие философской литературы, прочитанной композитором в период 1904–1906 гг., свидетельствует не только о попытках Скрябина решить ставшую для него актуальной проблему соотношения бытия и сознания, но и отражает его стремление точно определить миссию своего искусства (и, соответственно, свою миссию) в иерархии Универсума. Классическая философия могла ответить только на первую часть вопроса, область же сверхчувственной реальности, которая интересовала Скрябина в первую очередь, находится за ее пределами. И в этом – первая причина повышенного внимания автора «Прометея» к трудам Блаватской. «Тайная Доктрина» говорит не только о мистическом и магическом значении музыки, но и доказывает неизбежность эволюции человека и сопряженных с нею катаклизмов. Не говоря уже о том, что в то время это был единственный доступный композитору труд такого масштаба по эзотерической философии, следует отметить, что на его страницах присутствует то, чего так не хватало Скрябину-философу в последнее десятилетие его жизни: рациональное истолкование природы и содержания мистического опыта.

С этим феноменом связана и вторая важнейшая причина доверия Скрябина к книге Блаватской. Большинство исследователей мистицизма склоняются к мнению, что «всякий

мистический опыт тождествен, а различные интерпретации опыта зависят от религиозного и (или) философского окружения мистика»¹⁷. Скрябин верил Блаватской не «как ребенок», а как человек, прошедший те же этапы мистического восхождения, обладающий таким же внутренним опытом. Позже мы увидим, что в вопросах мировоззрения композитор ничего не «заимствовал» у Блаватской, но лишь находил подтверждение и, главное, словесное выражение своим собственным духовным открытиям.

Близость мировидения двух великих русских мистиков очевидна. Жизненные обстоятельства автора «Тайной Доктрины» и автора «Поэмы экстаза» были весьма различны, но в остальном они удивительно похожи.

Основательница Теософического общества еще в детстве могла входить в измененные состояния сознания, рассказывая окружающим о событиях далекого прошлого. Пейзажи других миров наблюдал и юный Скрябин; описание одного из них содержится в программе к неоконченной Балладе (1887):

«Призрачная страна! И жизнь здесь другая! Мне не место здесь! Но ведь мне слышатся голоса. Я вижу мир блаженных душ. Но не вижу ее! Звуки умолкли, и я опять такой же жалкий. Я у великолепного замка. Тот же голос, та же мечта...»¹⁸

И Блаватская, и Скрябин всегда охотно рассказывали о содержании своих прозрений окружающим, несмотря на то, что это значительно осложняло жизнь обоим.

«Буквально все, – пишет В.П. Пазилова, – знавшие Елену Петровну и в юности, и в старости, и друзья и недоброжелатели, прямо или косвенно (в общем контексте воспоминаний) свидетельствуют об органически присущем ей качестве – необыкновенной искренности, открытости и доверчивости, доходившей до безрассудства. Эта черта сослужила ей дурную службу. Почти весь “компромат” на нее собран из ее собственных высказываний, а то и цитат из ее писем к самым случайным людям»¹⁹.

Л.Л. Сабанеев, рассказывая о поразительной доверчивости Скрябина, готового поведать о планах «Мистерии» первому встречному, также свидетельствует о печальных последствиях этого:

«Сколь многие, набравшись таким путем от Скрябина его мыслей, потом передавали их в <...> окарикатуренном виде, нарочно сгущая

¹⁷ Кимелев Ю.А. Современная западная философия религии. М., 1989. С. 135.

¹⁸ Альшванг А.А. Жизнь и творчество А.Н. Скрябина // А.Н. Скрябин. Сборник статей. М., 1973. С. 69.

¹⁹ Пазилова В.П. Современна ли «Жрица Изиды»? М., 1991. С. 7.

Е.П. Блаватская. Лондон, 1884

краски, чтобы показать его “безумие”, или бездарность, или беспринципность. Сколь многие не могли даже понять его мыслей и исказили их уже поневоле, от собственной бездарности...»²⁰ Впрочем, критиковали композитора «за теософию» далеко не все. И.Ф. Стравинский, например, в своих воспоминаниях пишет о Скрябине: «Он был также последователем г-жи Блаватской и сам считался серьезным и видным теософом. Я не понимал этого, так как для моего поколения г-жа Блаватская уже совершенно вышла из моды, но я уважал его убеждения»²¹.

Сложной и до конца не проясненной проблемой остается общение Скрябина с Великими Учителями человечества. Если у Е.П. Блаватской и семьи Рерихов оно было практически постоянным, то Скрябин оставил здесь больше вопросов, чем ответов. Прямых разъяснений истоков замысла Мистерии и своей миссии он предпочитал не давать:

«Я думаю, – сказал он серьезно и тихо, – что зачем же мне была открыта эта идея, раз не мне ее осуществить? И я чувствую в себе силы для этого. Каждому открывается та именно идея, какая ему предназначена. <...> У меня есть ряд веских данных так думать, но я не все могу и не все имею право говорить»²².

По словам Б.Ф. Шлецера, Скрябин «в учении о посвященных, являющихся на земле посланцами высших сил, непосредственно раскрывающих им сокровенную истину в ее последовательных аспектах для просвещения человечества, в этом учении он находил объяснение и оправдание своей миссии на земле, ибо и себя он считал непосредственно, свыше посвященным, членом по рождению дивного братства вестников Единого, хранителем и восстановителем древней мудрости, и мечтал в последние годы и искал даже принять формальное, видимое посвящение от старших членов этого братства – “Белой ложи”, – которое, он верил, существует где-то на земле, покамест – тайно, и – ждет его»²³.

По словам Сабанеева, Скрябин был убежден, что замысел Мистерии будет поддержан Учителями и он получит от них помощь:

«– Вы знаете, – заговорил он, – это будет призывный звон. На него человечество пойдет туда, где будет храм, в Индию. В Индию – потому, что там колыбель человечества, оттуда человечество вышло, там оно и завершит свой круг. Самое сооружение храма – это ведь будет частью Мистерии...»

– Вы знаете, – прибавил он помолчав, – что там *на озере, появляются махатмы*. Об этом пишет Блаватская совершенно определенно...

Он верил, что действительно где-то в легендарной Индии, очевидно, совершенно не похожей на реальную, есть эти таинственные озера, где “махатмы” появляются людям посвященным. А он был или должен был быть посвященным – в это он тоже верил...

За вечерним чаем он продолжал начатый и, видимо, глубоко волновавший его разговор.

– Мне *пора готовиться*. Я не знаю, где достигнет меня посвящение, но мне надо ехать в Индию»²⁴.

Но, пожалуй, главным, что объединяло композитора и писателя-философа, был сам принцип творчества, наиболее существенной чертой которого было познание мира через «Высшее Я», открывающее Сознющему необъятные просторы сверхчувственных областей Универсума. При этом у обоих возникало совершенно определенное ощущение, что предмет созерцания находится за пределами индивидуального сознания.

Сочиняя Пятую сонату, Скрябин говорил, что она «существует реально как-то вне его, помимо его, вполне самостоятельно, в невыразимом словами образе, и что он словно не создает его, не творит из ничего, но только как бы снимает с него завесу, делает зримым для людей, переводит из скрытого состояния в явное»²⁵.

²⁰ Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Скрябине. С. 65.

²¹ Стравинский И.Ф. Диалоги. Л., 1971. С. 47.

²² Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Скрябине. С. 175.

²³ Шлецер Б.Ф. А. Скрябин. Т. 1. Берлин, 1923. С. 228–229.

²⁴ Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Скрябине. С. 95.

²⁵ Шлецер Б.Ф. А. Скрябин. Т. 1. С. 47–48.

Так же шла работа Блаватской над «Разоблаченной Изидой»:

«Пишу Изиду – не пишу, скорее спиваю и рисую то, что она сама мне показывает. Ну, право же, мне кажется, что сама древняя красавица-богиня водит меня за собой по всем тем странам прошедших веков, которые я должна описать. Я сижу с открытыми глазами; все, кажется, вижу и слышу вокруг настоящее, действительное, но вместе с тем вижу и слышу то, что пишу. <...> Всякое сколько-нибудь замечательное событие, каждый перевернутый лист этой расцвеченной книги жизни запечатлевается в мозгу моем с фотографической верностью. <...> Уж, разумеется, не я это делаю, а мое эго, высший принцип, живущий во мне...»²⁶

Любопытно, что Скрябин, не знакомый с этими материалами, был убежден, что «Тайная Доктрина» написана именно таким способом:

«Это – огромное по значению произведение. Ведь вы знаете, – таинственно добавлял он, – что она писала его в экстазе, собственно ей диктовали его, и она даже многого не понимала из того, что написала»²⁷.

Идеи и образы этого замечательного труда не только по-новому объясняют содержание философской доктрины Скрябина, но и непосредственно связаны с образами его поздних произведений. Космогенезис и Антропогенезис, описанные Блаватской, просматриваются в сюжетных линиях «Предварительного Действа», в содержании устных бесед Скрябина и, главное, в образных и конструктивных особенностях 60–70-хopusов. Не исключено, что даже появление в них ремарок «мистического» содержания на французском языке связано с текстом «Тайной Доктрины». Один из современников Скрябина писал:

«Соната, в скрябинских руках, стала интимною беседою с духами: Скрябин гипнотизирует мглу, и из нее показываются образы...»

Прочтите Роденбаха, Сведенборга, Блаватскую – и вы поймете эти странные сонаты, с их “appel mysterieux” (“таинственный зов” – фр.) и т. д.»²⁸.

В этой связи уместно процитировать еще один фрагмент «Воспоминаний» Сабанеева, где автор приводит мнение Скрябина о Тагееве:

«Для него все тут, в этой реальности, в этой материи, вот в этом “plan physique”. Почему-то он это сказал по-французски, очевидно как реминисценция из Блаватской»²⁹.

Впрочем, на всем протяжении своей книги биограф не оставляет попыток «отлучить» Скрябина от Блаватской. Для нашей статьи существенны две мысли Сабанеева:

«Его [Скрябина. – А.Б.] мыслительный язык, его терминология была в высшей степени неустойчива; она была загромождена в высокой мере словами из теософского лексикона, всякими индусскими “манвантарами”, теорией рас, “пралайями” и иными вещами. Но *серьезного знакомства* даже с теософией у него не было, ибо вообще Александр Николаевич не мог читать усидчиво книгу. Не только трехтомная “Доктрина” Блаватской, но даже гораздо более скромные по размерам произведения просто физически не могли быть прочитаны, если учесть, как он читал и сколько времени мог этому посвящать»³⁰.

«На столе [Скрябина. – А.Б.] лежали обычно неизменный “Вестник теософии” и “Доктрина” Блаватской, в трех французских томах. Ее по очереди брали читать друзья, доктор, Подгаецкий. Только я не удосужился ее прочесть, а только мельком заглядывал в эти томы»³¹.

Первый аргумент Сабанеева опровергнуть достаточно легко: о том, что Скрябин читал «Тайную Доктрину» «усидчиво» и до конца, свидетельствуют пометки во всех пяти книгах. Может возникнуть лишь вопрос об авторстве этих пометок – ведь книги бывали в разных руках. К счастью, помимо подчеркиваний Скрябин оставил на с. 89 первой, а также с. 238 и 241 третьей книг буквенные исправления опечаток и цифры, по которым можно идентифицировать его почерк. О том, что все пометки сделаны рукой Скрябина, говорят и косвенные данные:

во-первых, большинство подчеркиваний сделаны так же, как и в других книгах биб-

²⁶ Цит. по: Пазилова В.П. Современна ли «Жрица Изиды»? С. 61.

²⁷ Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Скрябине. С. 241.

²⁸ Коптяев А.П. А.Н. Скрябин. Характеристика. Пг., 1916. С. 31.

²⁹ Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Скрябине. С. 88–89.

³⁰ Там же. С. 246.

³¹ Там же. С. 241.

лиотеки: подстрочно, под линейку – линейка же всегда под рукой у композитора, пишущего партитуры;

во-вторых, содержание пометок в основном соответствует философским идеям Скрябина;

в-третьих, трудно поверить в то, чтобы друзья композитора могли оставить пометки в не принадлежавшей им книге.

Скрябин выделяет привлекшие его внимание фрагменты текста следующими способами:

- 1) сплошным подчеркиванием строк (всегда под линейку);
- 2) пунктирным подчеркиванием строк;
- 3) одной или несколькими вертикальными линиями на полях;
- 4) скобками в начале и конце фрагмента;
- 5) кружками вокруг номера страницы.

Первый и третий способы часто сочетаются. Иногда рядом с отмеченным фрагментом стоит вопросительный или один (реже – несколько) восклицательный знак, но никаких словесных комментариев Скрябин не дает. К сожалению, мы не можем судить о точном числе этих пометок, поскольку шестая книга (вторая часть третьего тома) в библиотеке отсутствует, а в четвертой книге утрачены страницы 81–112. В доступных нам сегодня пяти книгах Скрябин выделил тем или иным способом 513 фрагментов текста протяженностью от нескольких слов до полутора страниц (в среднем и чаще всего это абзац в 10–12 строк). Любопытно, что наибольшее число пометок содержится в книгах, попавших Скрябину раньше других. В третьей книге (1-я часть «Антропогенезиса»), вышедшей в 1904 г., – 171 пометка; в первой (1-я часть «Космогенезиса», – 1906 г.) – 172. Зато во второй, четвертой (1907) и пятой (1909) книгах – соответственно 97, 50 и 23 пометки. По-видимому, композитор, почерпнув основную информацию из первых книг, в дальнейшем только уточнял для себя отдельные детали.

В рамках небольшой статьи невозможно описать все многообразие тем и сюжетов отмеченных Скрябиным фрагментов «Тайной Доктрины», а тем более проследить все связи содержания этого труда с поздним творчеством композитора. Почти все выделенные Скрябиным эпизоды являются ключевыми в содержательном плане, но все же это не «конспект» «Тайной Доктрины», а ее исследование для определенной цели. Исходя из этого, мы сочли возможным сгруппировать наиболее яркие из выделенных композитором фрагментов в

4 раздела, соответствующих основным этапам творческого процесса в скрябинском его понимании. Автор «Прометея» рассматривал путь художественного воплощения как «отпечатление Духа на Материи» посредством творческой Энергии (Воли). «Инволюционная триада» Информация – Энергия – Материя дополняется четвертым элементом (Принципом проявления), соответствующим неуловимому моменту перехода творческой Энергии в «материализованный» звуковой образ, – моменту, самому важному для композитора.

Предлагаемый анализ выполнен на основе сравнения пометок Скрябина в «Тайной Доктрине» с философскими записями композитора, с текстом «Предварительного Действа», с устными высказываниями Скрябина, зафиксированными Сабанеевым, а также с некоторыми очевидными конструктивными закономерностями его музыкальных произведений позднего периода. Учитывая, что французское издание «Тайной Доктрины», которым пользовался Скрябин, давно стало раритетом, мы даем в ссылках на страницы сначала номер по оригиналу, а затем – в круглых скобках – соответствующий этому фрагменту номер страницы русского издания (Москва: «Прогресс», «Сиринь», 1991–1992), содержание которого полностью соответствует французскому варианту. Русский перевод третьего тома, использованный нами, – новосибирское издание 1993 года.

Информация (Творческий Дух)

Одной из самых существенных проблем для Скрябина-философа была, как указывалось, проблема Первопричины – Истока Бытия. В скрябинской космогонии ему соответствует «Большое Я» – грандиозное Сознание, обнимающее собой Вселенную, пространство и время (и, соответственно, находящееся вне пространства и времени).

Скрябин:

«Сознание (вселенная) есть единство. Оно есть связь существующих в нем состояний (процессов). В своем единстве оно свободно, оно есть свободная деятельность, оно есть совокупность всего, бытие в целом и, как таковое, – бытие в себе и через себя, бог... Мое сознание вне всех своих состояний есть возможность (чистая деятельность) и в смысле временном и пространственном совершенное ничто»³².

³² Записи А.Н. Скрябина // Русские пропилеи: Материалы по истории мысли и литературы. Т. 6. С. 177.

Блаватская:

«...Природа “Первопричины”, которую оккультисты более логично производят от “Беспричинной Причины”, от “Вечного” и “Непознаваемого”, может быть по существу та же, что и природа сознания, наполняющая нас. Короче говоря, безличная Реальность, всенасыщающая Космос, есть чистый нумен мысли»³³.

«Алаяя является одновременно Мировой Душой – *Anima Mundi*, и Высшим я (Эго) продвинувшегося Адепта»³⁴.

Познание «Высшего» (или «Большого») «Я» возможно, по Скрябину, лишь через соединение, отождествление с ним, что соответствует состоянию мистического экстаза. Композитор дает этому понятию диалектически противоречивые определения, в чем, видимо, отразилась парадоксальность, многомерность мистического опыта. В форме мышления, например, это «высший синтез»³⁵, выражающийся в «абсолютной дифференциации и абсолютном единстве»³⁶. Это и «потеря сознания»³⁷, и «высота всеобъемлющего сознания»³⁸. В отношении бытия это «абсолютное бытие»³⁹, «осуществление идеи Бога»⁴⁰, «гармонический расцвет вселенной», связанный, однако, с ее «уничтожением»⁴¹ и «возвращением к покою»⁴². Сопровождающее экстаз чувство «высшего блаженства»⁴³ связано, по Скрябину, с «завершением творческого процесса» (там же), с «пределом подъема творчества»⁴⁴, его «последним моментом»⁴⁵, который станет «моментом, излучающим вечность»⁴⁶.

В книге Блаватской об этом состоянии сказано (и, напомним, подчеркнуто Скрябиным) следующее:

«Геофания <...> есть “Общение между Богами (или Богом) и теми посвященными смертными, которые духовно способны пользоваться

таким сношением”. Однако эзотерически это значит больше. Ибо это не есть только присутствие Бога, но действительное – хотя и временное – воплощение, так сказать, слияние личного Божества, Высшего Я с человеком... <...> Когда это воплощение является временным в течение тех таинственных трансов или “экстазов”, которые Плотин определяет как Освобождение ума от его конечного сознания, его становление единым и отождествленным с Бесконечным, то это возвышенное состояние очень кратковременно»⁴⁷.

Для любого мистика весьма существенным является момент осмысления информации, полученной в состоянии экстаза. Скрябин рассматривал этот процесс как зарождение самосознания в безличном «Большом Я», отделение от него «малого я», проецирующего и воспринимającego «множественность» – материальные планы Вселенной.

Скрябин:

«Все, что меня окружает, и я сам, есть не более, как сон, нет никакой действительной множественности <...> Единое без множества есть понятие безразличия – ничто»⁴⁸.

«Порыв нарушает божественную гармонию и этим создает материал, на котором будет потом запечатлена божественная мысль. Будет на мгновение восстановлено равновесие ступенью ниже и потом новым порывом снова нарушено, и т. д., пока весь накопленный запас сил не найдет себе исхода в деятельности всей манвантары. Но относительно к следующей эта манвантара может быть рассматриваема также как порыв, нарушивший божественное равновесие и т. д.

Акт дифференциации есть акт самоозарения»⁴⁹.

«Первое усилие, первый порыв к освобождению есть первая ритмическая фигура времени, первая жизнь, первое сознание, пронизав-

³³ Blavatsky H.P. La Doctrine Secrete. Vol. 1. Cosmogense. Partie 1. Paris, 1906. P. 52 (49).

³⁴ Там же. P. 28 (95).

³⁵ Записи А.Н. Скрябина // Русские пропилеи: Материалы по истории мысли и литературы. Т. 6. С. 163.

³⁶ Там же. С. 181.

³⁷ Там же. С. 170.

³⁸ Там же. С. 171.

³⁹ Там же. С. 162.

⁴⁰ Там же. С. 164.

⁴¹ Там же. С. 163.

⁴² Там же. С. 171.

⁴³ Там же. С. 163.

⁴⁴ Там же. С. 191.

⁴⁵ Там же. С. 181.

⁴⁶ Там же. С. 163.

⁴⁷ Blavatsky H.P. La Doctrine Secrete. Vol. 4. P. 66 (64).

⁴⁸ Записи А.Н. Скрябина // Русские пропилеи: Материалы по истории мысли и литературы. Т. 6. С. 165, 150.

⁴⁹ Там же. С. 143.

шее хаос и создавшее 2-ю степень (стадию), первую грань»⁵⁰.

Блаватская:

«Монада безлична, и потому она Бог per se, хотя она и бессознательна на этом плане. Ибо, будучи разъединенной со своим третьим (часто называемым пятым) принципом, Манасом <...> она не может иметь ни сознания, ни познания вещей на этом земном плане. “Высшее видит глазами низшего” в проявленном мире; Пуруша (Дух) остается слепым без помощи Пракрити (Материи) в материальных сферах»⁵¹.

«Дух есть первая дифференциация ПРОСТРАНСТВА (и в нем). Материя же есть первая дифференциация Духа. То, что есть ни Материя, ни Дух, есть ТО – Беспричинная ПРИЧИНА Духа и Материи, которые суть Причина Космоса. И ТО мы называем ЕДИНЮЮ ЖИЗНЬЮ или Интра-Космическим Дыханием»⁵².

«Первое сознание», возникшее из «первой дифференциации Единого», Скрябин рассматривает как некое грандиозное информационное поле (Эфир), пронизывающее мироздание и содержащее в себе образы всех вещей, а также мысли и чувства всех «проснувшихся к жизни» существ (включая и человека).

Скрябин:

«Мысль есть единственный матерьял творчества. Она есть жизнь и включает в себя все возможные переживания. Она есть то, что может переживать разное не только в разные моменты, но и в один и тот же момент в разных местах. Она разливается, как разливается океан, оставаясь всегда равной самой себе. Ее нельзя делить, ибо она вне времени и пространства, которые суть только формы переживания разного. Она не может пережить какую-нибудь индивидуальность, не пережив бытия в целом»⁵³.

«Наши мысли вне нас, они только кажутся нашими, а на самом деле они ведь общие»⁵⁴.

Блаватская:

«Эфир соединяет солнце с планетою, планету с планетой, человека с планетой, человека с человеком. Без эфира не могло бы существовать сообщения во Вселенной: ни света, ни тепла, ни феноменов движения»⁵⁵.

«От Эфира произошло все сущее и к нему все вернется: образы всех вещей неизгладимо запечатлены в нем и он является хранилищем зародышей или останков всех видимых форм и даже мыслей»⁵⁶.

«Самопознание» «Большого Я», проецирование идеи в мир Скрябин связывает с отделением от божественных сфер индивидуального сознания («малого я») и созданием через его посредство экрана сознания – грандиозного Зеркала Духа. По сути это облик проявленного материального мира – «не-я». Композитор рассматривает материальный Космос как совокупность пронизывающих друг друга энергий: ряд волновых сферических поверхностей-экранов разной «энергетической плотности» (частоты), из которых лишь один соответствует видимому экрану земного человеческого сознания. Тело человека также является частью этого экрана: «Если я и тело должен сознавать, воспринимать наравне с внешним миром, то и оно для меня внешний предмет»⁵⁷. В то же время сознание не изолировано от высших планов бытия, – оно способно включаться в любую из сфер-экранов, моделируя в ближайших из них некое подобие тела. Скрябин неоднократно изображает в своих черновиках «волновую» модель Универсума (концентрические круги), а также совокупность «астральных тел» человека.

Аналогичная информация подчеркнута композитором и в «Тайной Доктрине»:

«Парабраман, сам по себе, не может быть видим. Логос видит Его через брошенный на него покров, и этот покров есть мощное распространение Космичес-

⁵⁰ Записи А.Н. Скрябина // Русские пропилеи: Материалы по истории мысли и литературы. Т. 6. С. 153.

⁵¹ Blavatsky H.P. La Doctrine Secrete. Vol. 3. Anthropogenese. Paris, 1904. P. 152 (156–157).

⁵² Blavatsky H.P. La Doctrine Secrete. Vol. 1. Cosmogene. Partie 1. Paris, 1906. P. 242 (323–324).

⁵³ Записи А.Н. Скрябина // Русские пропилеи: Материалы по истории мысли и литературы. Т. 6. С. 171–172.

⁵⁴ Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Скрябине. С. 307.

⁵⁵ Blavatsky H.P. La Doctrine Secrete. Vol. 2. Cosmogene. Partie 2, 3. Paris, 1907. P. 280 (657).

⁵⁶ Там же. С. 194 (572).

⁵⁷ Записи А.Н. Скрябина // Русские пропилеи: Материалы по истории мысли и литературы. Т. 6. С. 190.

кою. Рассеялись туманы на поверхностях планет, и солнца радостно играют своими лучами (озаряют их) <...> Моя радость так велика, что мириады вселенных погрузились бы в нее, не поколебав даже ее поверхности»⁶⁶.

Блаватская:

«“Творение” мира обычно рассматривается в Браминских книгах, как Ли́ла, восторг или игра Высочайшего Создателя. <...>

“Каббалисты говорят, что вступление миров в существование произошло через восторг, ибо Эйн-Соф (!) возрадовалось в себе Самом и стало сверкать и излучать от Себя к Себе... которые все называются восторгом”»⁶⁷.

«В индусских Пуранах <...> творение описано, как игра, как забава (Ли́ла) Бога-Творца. Зохар говорит о первозданных мирах, погибавших так же быстро, как они нарождались. <...> “Святой Единый” последовательно создавал и разрушал различные Миров, прежде чем он преуспел с настоящим»⁶⁸.

Постепенно Скрябин приходит к убеждению, что гений способен силой своей мысли создать не только музыкальный мир, но и повлиять на события мира физического.

Скрябин (по Сабанееву):

«Маленького внимания достаточно, и вы увидите, что мир вы творите, что он начинает понемногу делаться таким, каким вы его хотите иметь. Чем человеческая личность центральнее, чем больше она отражает дух, тем она способнее творить независимо, тем больше ее мир похож на то, что ей нужно, и менее на мир остальных людей. А мир, творимый центральной личностью, есть в полном смысле слова “божественная игра”, совершеннейшая свобода, полная независимость»⁶⁹.

Блаватская:

«Крияшакти: – Таинственная сила мысли, которая дает ей возможность воспроизводить внешние, осязаемые феноменальные результаты через присущую ей энергию. Древние утверждали, что любая мысль проявится внешне, если внимание (и воля) человека глубоко сосредоточены на ней. Точно так же напряженное желание будет сопровождаться желанным результатом»⁷⁰.

Важнейшая из мыслей Скрябина – идея Мистерии, завершающей грандиозный космический цикл и создающей непостижимый новый мир, – также имеет свое отражение в «Тайной Доктрине».

Скрябин (по Сабанееву): «Сильная, могущественная мысль создает мысленную форму настолько интенсивную, что она помимо воли вливается в сознание других людей... Такова должна быть и мысль о Мистерии... Пока она еще только зарождается, а потом она заразит всех»⁷¹.

Блаватская:

«...Дыхание Непознаваемого Божества – Единого Бытия, которое как бы выдыхает мысль, становящуюся Космосом»⁷².

Эманации Божественной энергии, создающие Вселенную, Скрябин описывает как

совокупность творящих Лучей, – здесь уже можно говорить не только о сходстве с идеями «Тайной Доктрины», но и о ее прямом влиянии.

Блаватская:

«Мистическое значение его есть представление Всемирной Утробы, изображаемой Предвечными Водами Бездны, или раскрытия для принятия и затем для последовательного исхождения Единого Луча (Логоса), содержащего в себе семь других Лучей или Творящих Сил (Логосы или Строители)»⁷³.

Е.П. Блаватская. 1880

⁶⁶ Записи А.Н. Скрябина // Русские пропилеи: Материалы по истории мысли и литературы. Т. 6. С. 139, 145.

⁶⁷ Blavatsky H.P. La Doctrine Secrete. Vol. 3. Anthropogenese. Paris, 1904. P. 156 (161).

⁶⁸ Там же. P. 66 (70).

⁶⁹ Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Скрябине. С. 177.

⁷⁰ Blavatsky H.P. La Doctrine Secrete. Vol. 3. Anthropogenese. P. 214 (219).

⁷¹ Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Скрябине. С. 307.

⁷² Blavatsky H.P. La Doctrine Secrete. Vol. 1. Cosmogenese. Partie 1. P. 21 (88).

⁷³ Там же. P. 59 (127).

Скрябин:
Семь ангелов в эфирных облаченьях
Семь вестников твоих нетленных слав
Семь огненных столпов, семь белых глав
Слепительно сверкающих держав
Помочь тебе готовы в совлеченьях...
В бездонности небесной
В прорыве черных туч
В любви своей чудесной
Волне открылся луч...
Этот луч, белый луч
В нас распался, певуч
Своей негою луч
Своей лаской – могуч.
Хрупкий, он рассыпался
Светами и звонами
Бездны огласились
Сладостными стонами⁷⁴.

Для композитора, творящего музыкальные миры, особо существенным должно было быть мистическое значение звука, который Скрябин наделяет магической мощью.

Скрябин (по Сабанееву):

«В гармониях скрыта огромная магическая сила. Они – заклинательные формулы для настроений»⁷⁵.

«Музыкой можно вызвать и гипноз, и транс, и экстаз <...> музыка есть звуковое заклинание»⁷⁶.

«Вам не кажется, Леонид Леонидович, что музыка заколдовывает время, может его вовсе остановить?..»⁷⁷

Блаватская:

«Вся серия феноменов происходит из Первоначала Эфира – Акаши, ибо Акаша, имеющая двойную природу, исходит из так называемого недифференцированного Хаоса <...> Если бы Эфира не существовало, то не было бы и “звука”, ибо он является вибрирующим резонатором в Природе во всех своих семи дифференциациях <...> Акаша была явлена в древних индусских системах, как Перворожденный от Единого, имеющий лишь одно качество – “Звук”, который семеричен. На эзотерическом языке это Единое есть Бог-Отец, а Звук есть синоним Логоса, Глагола или Сына»⁷⁸.

«Пространство есть первая сущность... Пространство (Акаша или Нумен Эфира) имеет одно свойство... и оно утверждается как только звук»⁷⁹.

«Я есмь вкус в воде, о сын Кунти! Я свет солнца и луны. Я есмь... звук (т. е. оккультная сущность, которая лежит в основании всех этих и других качеств различных упомянутых вещей. – Перевод.) в пространстве»⁸⁰.

«Как можете вы сделать, чтобы вас поняли и в действительности повиновались вам эти полусознательные Силы, сообщающиеся с нами не посредством произнесения слов, но через звук и цвет, и соотношением вибраций, тех и других»⁸¹.

Принципы проявления (Структура Времени и Пространства)

Законы «отпечатления Духа на Материи» постигались Скрябиным не в абстрактно-метафизическом плане, а в процессе конкретной композиторской работы по воплощению художественной идеи в звуковую материю. Видимо, поэтому в принципах развития скрябинских творений легко узнаются закономерности саморазвития и самоорганизации, характерные для систем любой природы. Любопытно, что эти законы были сформулированы много лет спустя после смерти композитора. Среди них важнейшие:

а) принцип постепенного накопления информации, размножение «почкованием», бесконечные фрактальные множества;

б) теория «Большого Взрыва» и предшествующих ему процессов внутри сингулярности.

Первая закономерность прослеживается в формах развития музыкального материала поздних прелюдий и поэм (например, опус 69, 71 и др.), где от исходного звукокомплекса-матрицы в ходе тончайших видоизменений постепенно «отпочковывается» дочерняя структура, в свою очередь порождающая аналогичную структуру с незначительной разницей в деталях строения. Композитор дает и словесное описание этого процесса:

⁷⁴ Записи А.Н. Скрябина // Русские пропилеи: Материалы по истории мысли и литературы. Т. 6. С. 205, 211, 218. Цитируется с сохранением орфографии оригинала.

⁷⁵ Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Скрябине. С. 323.

⁷⁶ Там же. С. 130.

⁷⁷ Там же. С. 57.

⁷⁸ Blavatsky H.P. La Doctrine Secrete. Vol. 2. Cosmogénese. Partie 2, 3. P. 292 (669).

⁷⁹ Там же. P. 289 (666).

⁸⁰ Там же. P. 291 (667).

⁸¹ Там же. P. 263 (641).

«От центра, вечно от центра, стремительно. И вот сопротивление преодолено – масса частиц отрывается вместе с одной главной. Новый центр, окруженный массой единообразных, стремящихся от центра частиц...»

И те, что стремительнее, что жизненнее, самостоятельнее, те снова отделятся.

Каждый центр – бывший порыв. Он включает ритмическую фигуру.

Новый порыв – новый центр, и от него порыв»⁸².

Блаватская:

«Развитие работает от менее совершенного к более совершенному и от простейшего к более сложному, путем непрекращающихся изменений, которые сами по себе незначительны, но они постоянно накапливаются в требуемом направлении». <...> Эзотерическая философия <...> учит закону циклов, двойному истечению Силы (или Духа) и Материи, которая, исходя из Нейтральной Точки Бытия, развивается, проходя через свое цикловое продвижение и непрерывные преобразования. <...> Именно «Множества» исходят из «Единого» – живые духовные зародыши или же центры сил – каждый в семеричной форме, которые сначала зарождаются, а затем дают первичный импульс закону эволюции и постепенному медленному развитию»⁸³.

«Когда наступает время для размножения, Суб-астрал «выталкивает» свое миниатюрное подобие из яйца окружающей Ауры»⁸⁴.

Вторая закономерность блестяще воплощена Скрябиным в начале «Прометей». К сожалению, композитор не оставил его литературной программы, но у Блаватской он подчеркнул фрагменты, отчасти разъясняющие содержание событий, отраженных во вступлении «Поэмы огня».

Блаватская:

«Первая причина есть бесконечное или безграничное. Это дает бытие первому

конечному или ограниченному. (Логос в его проявлениях и Вселенная.) То, что производит границу, аналогично движению. <...> Проведенная граница есть точка, сущность которой есть движение; но, будучи без частей, эта сущность не есть действительное движение, но лишь стремление к нему. (В нашей Доктрине это не есть «стремление», но изменение Вечной Вибрации в непроявленном в Спиральное Движение в феноменальном или проявленном Мире.) От этого сначала происходит протяженность, пространство, форма и последовательность, или время. Как в геометрии точка порождает линию, линия – плоскость и плоскость – тело, то и тут стремление точки направляется к линиям, плоскостям и телам. Другими словами, Вселенная заключается in ovo, в первой естественной точке.

Движение, к которому стремление направляется, есть круговое, ибо круг есть наиболее совершенная форма... «Наиболее совершенная, вышеописанная форма движения должна быть постоянно круговой; то есть, оно должно исходить от центра к периферии и от периферии к центру»⁸⁵.

«Для формативных или творческих целей ВЕЛИКИЙ ЗАКОН <...> задерживает или, вернее, изменяет свое непрерывное движение на семи невидимых точках внутри пространства Проявленной Вселенной. «Великое Дыхание прорывает на протяжении пространства семь дыр в Лайе, чтобы заставить их круговращаться на протяжении Манвантар»⁸⁶.

Начало «Прометей» – гениальная и, видимо, единственная звуковая иллюстрация описанного Блаватской процесса. Таинственное тремоло⁸⁷ «прометеевского аккорда» (сингулярности, или «Великого Дыхания» – предвечной вибрации непроявленного – фрагмент А) сменяется семью (!) проведениями «вращающегося» мотива (аналог «Лайе-центров» – фрагменты В-1 – В-7). Аккорды «темы Ра-

⁸² Записи А.Н. Скрябина // Русские пропилени: Материалы по истории мысли и литературы. Т. 6. С. 140.

⁸³ Blavatsky H.P. La Doctrine Secrete. Vol. 4. Le symbolisme archaique des religions. Appendise. P. 352–353 (922–923).

⁸⁴ Blavatsky H.P. La Doctrine Secrete. Vol. 3. Anthropogenese. P. 145 (149).

⁸⁵ Blavatsky H.P. La Doctrine Secrete. Vol. 1. Cosmogense. Partie 1. P. 97 (167).

⁸⁶ Там же. P. 127 (199).

⁸⁷ «Тремоло» в переводе с итальянского означает «дрожь, вибрация». Именно этим приемом исполняется первый аккорд «Прометей» (что, впрочем, хорошо слышно не только музыкантам).

зума», следующей далее, составлены из тех же звуков, что и первый «аккорд предмирного хаоса», что, видимо, символизирует вхождение Высшего света, самой Абсолютности (Тьмы, для непосвященного) в свой Упадхи – Бесконечный Разум, результатом чего становится «открытие» божественного Света (фрагмент С).

Материя (Законы эволюции)

Скрябинская «мистериальная идея» была основана на убеждении композитора в полном соответствии духовных и физических процессов Универсума. Видоизменение человеческого сознания средствами искусства должно было вызвать «отзвук» в окружающем материальном мире, ибо в основе мироздания лежит принцип аналогии.

Скрябин (по Сабанееву):

«Все физическое ведь есть только отблеск духовного и происходящего в иных планах»⁸⁸.

«Искусство зависит от космического процесса, оно – не само по себе»⁸⁹.

Блаватская:

«Закон Аналогии есть первый ключ к проблеме мира, и эти звенья должны быть изучаемы по порядку и в их оккультном взаимоотношении»⁹⁰.

«Эволюция человека-микрокосма аналогична эволюции вселенной, Макрокосму. Его эволюция стоит между эволюцией последнего и эволюцией животного, для которого человек, в свою очередь, является макрокосмом»⁹¹.

С последней мыслью связана и важная у Скрябина идея эволюции человека. Она подробно описана композитором в тексте «Предварительного Действа», и она же, по-видимому, должна была стать центральной в Мистерии. В этой области обнаруживаются многочисленные сов-

падения с учением Блаватской. Мы выделим лишь одну идею – развития скрытых способностей человека.

Скрябин (по Сабанееву):

«Вообще мы не знаем многих своих возможностей. Это дремлющие силы, и надо их вызвать к жизни»⁹².

Блаватская:

«Второстепенные Боги или Силы в Природе осуждены на исчезновение; и лишь духовная Потенциальность в человеке может направить его к объединению, стать единым с Бесконечным и Абсолютом. <...>

Ибо, чтобы закончить семеричного человека, чтобы добавить к его трем низшим Принципам и скрепить их с Духовной Монадой – которая никогда не смогла бы пребывать в такой форме, иначе как в абсолютно латентном состоянии – нужны два связующих “принципа”: Манас и Кама. Это требует живого Духовного Огня...»⁹³

Духовный Огонь, воспетый Скрябиным в его бессмертных творениях, был главным движущим принципом эволюции в космогонии гениального композитора. Непрерывное горение, страстное стремление приблизить Последнее Сверхшение, обожествляющее человечество, озаряют последние годы жизни великого мистика. Во многом вдохновляли и поддерживали этот внутренний Огонь и эзотерические таинства «Тайной Доктрины»: образы позднего Скрябина по прочтении Блаватской могут стать намного понятнее. Но не менее важны для понимания его музыки и торжественные тексты «Живой Этики», появившиеся уже после ухода Скрябина из жизни. Не был ли он сам своеобразным «связующим звеном» между учениями своих великих соотечественников: Е.П. Блаватской и семьи Рерихов? И случайно ли, что это «недостающее звено» дополнило их художественно-философский Космос гениальной музыкой Эволюции?

⁸⁸ Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Скрябине. С. 178–179.

⁸⁹ Там же. С. 199.

⁹⁰ Blavatsky H.P. La Doctrine Secrete. Vol. 2. Cosmogense. Partie 2, 3. P. 378 (756).

⁹¹ Blavatsky H.P. La Doctrine Secrete. Vol. 3. Anthropogenese. P. 218 (224).

⁹² Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Скрябине. С. 179.

⁹³ Blavatsky H.P. La Doctrine Secrete. Vol. 3. Anthropogenese. P. 97 (101).

ПРОМЕТЕЙ
(Поэма огня)

Op. 60
(1910)

PROMETHEUS
(The Poem of Fire)

Переложение для двух фортепиано С. Павчинского

A
Lento. Brumeux
Piano II (Оркестр) *pp*
calme, recueilli
Cor. con sord. (sempre Ped.)
pp
più lento *a tempo*
B-1 **B-2** **B-3** **B-4** **B-5** **B-6**
sf *pp avec mystère*
B-7 *plus animé* *Impèrieux* Tr-ba
mp *mf* *mp* *pp*
C *1 Contemplatif* *peu à peu animé*
p *mp* *pp* *pp*

Огненная Посланица Белого Братства

Е.И. и Н.К. Рерихи о Е.П. Блаватской

Говоря о формировании мировоззрения Николая Константиновича и Елены Ивановны Рерихов, крупнейших русских философов и подвижников, сыгравших выдающую роль в формировании нового космического мироощущения на нашей планете, невозможно не упомянуть одну из самых выдающихся личностей XIX столетия, чья жизнь и труды оказали огромное влияние на современную мировую мысль, – Елену Петровну Блаватскую. Основанное ею в 1875 году в США Теософическое общество¹, целями которого были провозглашены сравнительное изучение религий, науки и философии, а также исследование неизвестных законов природы и скрытых внутренних сил человека, стало одним из главных каналов ознакомления Запада с эзотерической философией Востока. Многие положения этой философии явились настоящим откровением для людей, чье мировоззрение складывалось в атмосфере прочно укоренившихся догм христианской теологии, с одной стороны, и не менее догматической науки того времени, страстно увлеченной материалистическими теориями. Но, пожалуй, самой настоящей вспышкой молнии на сумеречном небе западного сознания стала принесенная Блаватской весть о существовании Братства Махатм – Хранителей этих древних учений, выдающихся в духовном отношении людей, обладающих таинственными силами и глубочайшим знанием тайн Вселенной. Эти Высокие Сущности стоят выше нас на лестнице космической эволюции и приносят на Землю те знания, которые человечество в состоянии воспринять на данный момент. Тем самым закладываются энергетические основы развития нового сознания и подготавливается переход планеты на новый, более высокий эволюционный виток. Возможность непосредственного

сознательного общения, а тем более сотрудничества с этими Высокими Сущностями под силу далеко не каждому. Лишь самые достойные и самоотверженные представители человечества, обладающие большой нравственной чистотой, могут обрести Их помощь и покровительство на нелегких путях познания и самосовершенствования, чтобы, в свою очередь, нести людям свет Истины.

Возможно, что мастерски написанная книга Блаватской «Из пещер и дебрей Индостана», рассказывающая о богатейшей природе, уникальных исторических памятниках и разнообразных верованиях и обычаях народов, населяющих Индию, стала для Елены Рерих той самой «первой книгой», с которой начался ее подход к сокровенному знанию Востока. По собственному признанию Блаватской, один из главных героев повествования – такур Гулаб Лалл-Сингх, человек необычный во многих отношениях и обладавший глубокими познаниями, – имел вполне реального прототипа – ее Учителя Махатму М. Как бы то ни было, контакты Е.П. Блаватской с Великими Учителями никогда не ставились Рерихами под сомнение, и впоследствии свою миссию они видели органически связанной с миссией нашей выдающейся соотечественницы, ознакомившей человечество с основами философии Братства Махатм.

О том, что Рерихи видели в теософах потенциальных сотрудников и единомышленников, свидетельствует тот факт, что, живя в Лондоне, они налаживают связи с Теософическим обществом. Сохранились удостоверения о членстве в обществе на имя Николая Константиновича и Елены Ивановны от 6 июля 1920 г., подписанные руководителями Лондонской ложи Анни Безант² и Гарольдом Бейли Уивером³. Очерки Н.К. Рериха публиковались в периодических изданиях теософского направления.

¹ С середины XX века в русском переводе общество стало именоваться Теософским.

² *Безант Анни* (1847–1933), деятельница теософского движения, ученица Е.П. Блаватской, президент Теософического общества с 1907 г. Автор ряда трудов по теософии: «Древняя мудрость», «Братство Религий», «В преддверии Храма», «Введение в Йогу».

³ *Уивер Бейли Гарольд*, деятель теософского движения.

В разные годы Николаем Рерихом было создано несколько вариантов картины «Вестник», написанной специально по Указанию Учителя, чтобы почтить память Е.П. Блаватской. Один из них был подарен в январе 1925 г. Теософическому обществу в Адьяре (Индия) для будущего музея имени Е.П. Блаватской. На полотне мы видим женщину в буддийском храме, с почтением открывающую дверь Вестнику – высокому, статному человеку, величественная фигура которого озарена светом, а правая рука поднята в символическом жесте. В учении Живой Этики не раз говорится о том, что посланники Светлых Сил приходят неожиданно, – нельзя судить, как и когда это произойдет, но нужно быть готовым встретить их в любую минуту. Для этого необходимы духовная зоркость и чуткость сердца – не случайно женщина изображена именно в храме, символизирующем высокое состояние духа и отречение от внешней суеты.

Тогда же, в 1925 году, вышел перевод с английского избранных фрагментов большого тома «Писем Махатм к А.П. Синнетту» под названием «Чаша Востока», сделанный Еленой Ивановной и изданный под псевдонимом Искандер Ханум. В конце 1931 года по Указанию Учителя Елена Ивановна приступила к переводу главного труда Е.П. Блаватской – «Тайной Доктрины». Перевод был сделан довольно быстро, если учесть объем и сложность работы. «...Первый том был закончен к марту 32-го года, – пишет она одному из своих корреспондентов, – но затем, конечно, следовала переписка начисто и новая корректура. Второй том был начат в конце 32 г. и окончен в 33-м. Не думала я, что так скоро явится возможность напечатать такой большой труд, но мы привыкли исполнять Указания, не откладывая их, тем более, что тут же было Сказано, что друзья помогут. И вот, действительно, наши рижские друзья, узнав, что труд закончен, поспешили издать его со всею любовью»⁴. Труд этот был выпущен в 1937

Е.П. Блаватская. Нью-Йорк, 1878

году в Риге при содействии членов Латвийского общества Рериха.

Елена Ивановна всегда относилась к Блаватской с огромным уважением, называла ее «огненной посланницей Белого Братства», «нашей национальной гордостью», «мученицей за Свет и Истину» и мечтала о том времени, когда в России воздадут должное ей почитание. «Сказано Великим Учителем – «одна Блаватская знала», и наша задача в будущем будет поставить на должную высоту почитание этой великой женщины-мученицы. Если бы Вы знали всю литературу о Блаватской и все поступки и предательства, ее окружавшие, Вы ужаснулись бы бездне неблагодарности, мерзости и невежества, конечно, именно из последнего вытекают все гнусности»⁵. Ни-

⁴ Рерих Е.И. Письмо Е.Ф. Писаревой от 22 февраля 1939 г. / Отдел рукописей МЦР. Ф. 1. Вр. № 1081. Л. 11.

⁵ Рерих Е.И. Письмо от 6 мая 1934 г. / Письма Елены Рерих. Минск, 1992. Т. 1. С. 188.

колай Константинович, как свидетельствуют его письма известному русскому теософу и писателю Елене Федоровне Писаревой⁶, также почитал великую соотечественницу.

Однако в дальнейшем отношения Рерихов с руководителями современного им теософского движения (особенно русского происхождения) складывались не просто. Причины этого достаточно подробно отражены в представленных в данной публикации письмах. Перечислим самые основные.

Прежде всего – это нарушение Иерархической Цепи, выразившееся в отсутствии должного уважения к основательнице движения среди последователей, которые были больше обеспокоены поддержанием своего имиджа «великих посвященных», нежели изучением и распространением трудов самой Блаватской и реализацией основных целей, ради которых было создано Теософическое общество. Раздача степеней и знаков отличия, пышные театрализованные ритуалы, пестование «мирового учителя» и выбор новых апостолов – неудивительно, что при такой насыщенной деятельности на воплощение практического братства человечества просто не оставалось времени. Появление книг Живой Этики – да еще из того же самого Источника – стало мощным ударом по чувству собственной значимости лидеров Теософского общества. В новом Учении они видели не сотрудника и соратника, а конкурента. «...Для главарей теософов признать Источник книг Жив[ой] Эт[ики] равносильно подписанию отказа от своего духовного приоритета, – иронизировала Елена Рерих. – Потому оставим им эту человеческую утеху считать себя папами римскими. Учение не может быть умалено их непризнанием или возвеличено их признанием. Истина сама говорит за себя»⁷. Апофеозом «широкомыслия» и терпимости к родственному учению стал теософский съезд 1936 года, участники которого – в первую очередь председательница Русской секции А.А. Каменская⁸ и ее сотрудники – обвинили Н.К. Рериха в том, что он... свободно пользуется теософскими идеями и терминологией.

Подобная «иерархия ценностей» не могла не сказаться и на качестве теософической литературы, появившейся после ухода Блаватской и воспевающей волнующие приключения в Неизвестности, легкие духовные достижения и панибратские отношения с Великими Учителями, готовыми осчастливить каждого, кто попал в их поле зрения. Рерихи не жаловали произведения такого рода и не скрывали своей точки зрения, называя их «творениями рук, лишенных красоты, знания и честности». «...Я считаю преступным поддерживать сентиментальность, основанную на ложных данных, – объясняла свою позицию Елена Рерих. – <...> Вместо сурового строения жизни люди жаждут убаюкивающих их сладких грез и легких достижений в обстановке магов и “окультурных” романов. Но венец Архата достигается лишь сильнейшими, лишь в суровом напряжении подвига, лишь мощными непоколебимыми устремлениями сердца, омытого кровавыми слезами страданий на протяжении многих и многих жизней»⁹. Вместе с тем, достаточно жестко высказываясь о произведениях «темного гения теософского движения» Ч.У. Ледбитера¹⁰, Е.И. Рерих положительно отзывалась о книгах У.Х. Джаджа¹¹ («Океан Теософии»), А. Безант («Эзотерическое христианство»), Джинарадхадаса¹², рекомендуя их для начинающих. Следует отметить, что не без влияния Рерихов Е.Ф. Писаревой была создана биография Е.П. Блаватской.

В целом же очень многие теософы воспринимали Живую Этику как родственную ветвь эзотерического знания и не видели между мировоззренческими концепциями этих учений существенной разницы. «У нас много друзей именно среди бывших и настоящих теософов, как в Америке, так и в других странах, – писала Е.И. Рерих. – Именно их сознание более подготовленное к восприятию основ Учения, потому проявим глаз добрый»¹³.

Мы предлагаем вниманию читателей выдержки из писем Е.И. и Н.К. Рерихов, посвященные Блаватской. Часть из них публикуется впервые.

Т.О. Книжник

⁶ Писарева Елена Федоровна (ур. Рагозина) (р. 1853), русский теософ, писатель, переводчик, председатель Калужского теософского общества в 1909–1922 гг., вице-президент Российского теософского общества. С 1922 г. жила в Италии.

⁷ Рерих Е.И. Письмо от 7 января 1937 г. / Рерих Е.И. Письма. М., 2003. Т. 5. С. 16.

⁸ Каменская Анна Алексеевна (1867–1952), русский теософ, первый председатель Российского теософского общества, а также Русского теософского общества в Женеве.

⁹ Рерих Е.И. Письмо от 7 декабря 1935 г. / Рерих Е.И. Письма. М., 2001. Т. 3. С. 681.

¹⁰ Ледбитер Чарльз Узбстер (1854–1934), деятель теософского движения, автор ряда книг по теософии.

¹¹ Джадж Уильям Хуан (1851–1896), американский теософ и писатель, основатель Американского отделения Теософического общества.

¹² Джинарадхадаса (1875–1953), деятель теософского движения, четвертый президент Теософского общества.

¹³ Рерих Е.И. Письмо от 20 июня 1936 г. / Рерих Е.И. Письма. М., 2002. Т. 4. С. 243.

Из писем Е.И. Рерих сотрудникам

6 мая 1934 г.

...Хочу предупредить Вас, как опасен книжный оккультизм. Масса вреднейших книг выпущена на книжный рынок. Одни книги г-на Ледбитера, за исключением его труда «Иннер Лайф», когда его мышление отражало еще мысли Е.П. Бл[аватской], являются таким материалом. Впрочем, может быть по счастью, они не все переведены на русский язык. Как сказано: «Много творений рук, лишенных красоты, знания и честности». И Вы напрасно думаете, что уход Ледбитера – большая утрата для Теос[офического] Общ[ества]. Именно Ледб[итер] явился злым гением этого движения. Именно он нанес вред всему движению. Как сказано Великим Учителем: «Одна Блаватская знала», и наша задача в будущем будет поставить на должную высоту почитание этой великой женщины-мученицы. Если бы Вы знали всю литературу о Блав[атской] и все поступки и предательства ее ближайших сотрудников, Вы ужаснулись бы бездне человеческой неблагодарности, мерзости и невежества; конечно, именно из последнего вытекают все гнусности.

Спасибо за желание прислать мне переведенные извлечения из «Тайной Доктрины», но перевод ее уже мною закончен, лишь второй том ждет окончательной подчистки. Указ о переводе исходит от Самого Вл[адыки], кроме того, Вл[адыка] Сам даст Предисловие к этому переводу. Много воды утечет и много изменится, потому запреты не страшны. Некоторые главы из второй части первого тома о символизме у меня имеются, и должна сказать, что перевод их очень хорош. Но, к сожалению, мы достали их, когда перевод уже был сделан. Также выписала я и перевод первой части и должна Вас предупредить, что это не есть перевод «Тайной Доктрины» Е.П. Блаватской, но лишь сокращенный перевод сокращенного изложения «Тайной Доктрины» Блаватской, сделанный г-жою Екат[ериной] Хиллард¹⁴, причем встречаются явные искажения смысла. Мне кажется, что сокращение «Тайной Доктрины», когда она полностью еще не переведена, есть великое кощунство.

21 июля 1934 г.

Очень сожалею, но до сих пор еще не имеем ответа на наш запрос из «Тэмпл Артизан»¹⁵. Конечно, письмо из Индии идет туда около шести

недель, и, возможно, что они собирают необходимый материал. А может быть, там та же политика, что и в Адиаре, – умалчивать имя настоящей Основательницы. Ведь природа людская всюду одинакова. Тем более что с ее смертью Сообщения от Великих Учителей очень сократились и часто они печатают Сообщения, полученные еще при жизни Основательницы. Подождем и увидим.

Я уже писала Вам, прося не оповещать о переводе «Тайной Доктрины» на русском языке, теперь скажу Вам причину. Перевод двух томов хотя и закончен, но печатание их возможно будет лишь через несколько лет, потому зачем смущать преждевременным оповещением и вызывать лишнюю ярость теософов? Если же за эти годы появится еще другой перевод, то тем лучше, ибо этим самым кто-то просветит свое сознание. Вы ошибаетесь, думая, что третий том «Т[айной] Доктрины» не опубликован, он издан на европейских языках. Но этот том был собран уже после смерти Е.П. Бл[аватской], и туда вошли статьи и заметки, не прошедшие окончательной цензуры ни самой Бл[аватской], ни Самого Вел[икого] Учителя. Потому третий том наряду с жемчужинами имеет явные неточности и даже грубые заблуждения. Вл[адыка] указал мне на эти неточности и личные соображения, не прошедшие высшую Цензуру.

11 августа 1934 г.

Вы спрашиваете: почему многие светлые начинания не получают должного развития? Отв[ечу]: ибо Иерархическая Цепь была нарушена. Почему не развивается Центр в Калифорнии?¹⁶ Потому что Основатели не получили должного почитания. Закон Иерархии непреложен, ибо он закон Космический. Никто не может перескочить через Звено, установленное Космическим законом. Пусть слепцы временно одурачивают себя, но горько будет пробуждение их. (Так, все стремившиеся обойти и перескочить через Е.П. Блават[скую] теперь скромно бродят в Тонком Мире среди теософических групп, тщетно ожидая призыва от Вел[иких] Учителей, но сама Е.П. Бл[аватская] в новом молодом физическом теле уже десять лет как присоединилась к Общине Великих Учителей. Благо тем, кто были ей верны, ибо она столько может помочь им! Но число таких меньше меньшего.) Потому будем чтить каждого приносящего нам Свет Учения.

¹⁴ Хиллард Екатерина, писатель, член Американской секции Теософского общества.

¹⁵ Журнал, издающийся общиной Храм Человечества (г. Алсион, шт. Калифорния, США).

¹⁶ Имеется в виду община Храм Человечества.

Е.П. Блаватская. Лондон, 1887

8 сентября 1934 г.

Также должна сказать Вам, что очень огорчили меня Ваши строки о Е[лене] П[етровне] Бл[аватской]. Не Ваше сердце написало их. Я уловила в них отзвук недостойных мнений наших русских теософов. Именно Е[лена] П[етровна] Бл[аватская] была Огненной Посланницей Б[елого] Бр[атства]. Именно она была Носительницей доверенного ей Знания. Именно из всех теософов лишь Е[лена] П[етровна] Бл[аватская] имела счастье получить Учение непосредственно от Вел[иких] Учителей в одном из Их Ашрамов в Тибете. Именно она была Великим Духом, принявшим на себя тяжкое Поручение – дать сдвиг сознанию человечества, запутавшегося в мертвых течениях догм и устремлявшегося в тупик атеиз-

ма. Именно только через Е[лену] П[етровну] Бл[аватскую] можно было приблизиться к Б[елому] Бр[атству], ибо она была Звеном в Иерархической Цепи. Но некоторые из окружавших ее настолько были ниже этого огненного духа и сердца, что в великом самомнении и самообольщении своем полагали достичь Высот, пренебрегая ее началом, и в зависти своей осуждали, клеветали и поносили ее, все им давшую, все им открывшую. Конечно, все эти самообольщенные гордецы ничего не достигли. Ибо закон Иерархии непреложен. (Ни один из окружавших ее не был принят Махатмами в истинные ученики.) Для пользы дел Махатмы переписывались с некоторыми из них, но ни одного не допустили до ученичества. Е.П. Бл[аватская] была тем Иерархическим Звеном, обойти и пренебречь которое означало осудить себя на полную неудачу. Отсюда и многие заблуждения Ольк[отта]¹⁷, Безант, Ледбит[ера] и пр. И теперь, когда последние пребывают в слоях Тонкого Мира, окруженные своими почитателями, но, увы, еще дальше от Твердыни Б[елого] Бр[атства], нежели раньше, и сейчас наша великая соотечественница в своем огненном устремлении, воплотившаяся почти сейчас же после смерти

в Венгрии, уже десять лет как прибыла в физическом теле в главную Твердыню и под именем Брата Х. работает на спасение мира. Так действует Космическая Справедливость. Е[лена] П[етровна] Бл[аватская] была великой мученицей в полном значении этого слова. Зависть, клевета и преследования невежества убили ее, и труд ее остался незаконченным. Последний, заключительный том «Т[айной] Доктрины» не состоялся. Так люди лишают себя самого Высшего. Я преклоняюсь перед великим духом и огненным сердцем нашей великой соотечественницы и знаю, что в будущей России имя ее будет поставлено на должную высоту почитания. Е[лена] П[етровна] Бл[аватская], истинно, наша национальная гордость. Великая Мученица за Свет и Истину. Вечная Слава ей!

¹⁷ Олькотт Генри Стил (1832–1907), ближайший сподвижник Е.П. Блаватской, президент-основатель Теософического общества.

15 ноября 1934 г.

§ 25. «Неверно подумать, что опыт Моего Друга мог быть неудачным...» относится к опыту основания Теос[офического] Общ[ества]. Как Вы знаете, Е.П. Бл[аватская] была послана в мир дать великий труд «Тайная Доктрина» для сдвига сознания, зашедшего в тупик, а также сказать истину о спиритизме, чтобы предотвратить многие губительные последствия. Спиритизм быстро распространялся тогда, особенно в Америке, и уже принимал чудовищные формы. Ввиду сильного и настойчиво выраженного желания ее сотрудников основать Общество для ознакомления продвинутых сознаний с Эзотерическим Учением всех религий и философий Махатма К.Х., Друг Старшего Махатмы, согласился руководить таким Обществом, и было приступлено к этому опыту при содействии Е.П. Бл[аватской], нескольких индусов и полк[овника] Г. Олькотта. Все это вылилось в существующее ныне Теос[офское] движение. История его раскрыла всю бездну человеческой природы, и весьма скоро, после основания нескольких Отделений, Махатмы еще при жизни Е.П. Бл[аватской] прекратили непосредственное Водительство Общ[еством] как таковым, сосредоточив свое внимание лишь на отдельных личностях. Отсюда понятен краткий расцвет и наблюдаемое сейчас постепенное падение главного центра его. Но, конечно, само Учение, принесенное Е.П. Бл[аватской], сделало свое великое дело, именно, по всему миру пробудило и сдвинуло с мертвой точки многочисленные единицы сознания. И Отделения Теос[офического] Общ[ества] очень помогли этому. Потому нельзя говорить, что опыт этот был неудачен. Конечно, если бы не человеческая тяжкая природа, результаты могли быть во много раз больше. Все же утверждение о неудаче идет от темных сил. Как сказано: «Ступени сознания сложились прочно». Должна добавить, что в Америке Учение связано, главным образом, с именем Е.П. Бл[аватской], и оно очень распространяется и входит в жизнь. Старший Махатма (Вл[адыка] М.), занятый высшими проблемами, принимал, если можно так выразиться, лишь косвенное участие в учреждении именно Теос[офического] Общ[ества], но Махатма К.Х. положил много сил и даже заболел от прикосновения к низшим земным слоям и человеческим аурам и должен был на несколько месяцев удалиться в полную изоляцию, в одну из недоступных для смертных Башен Тибетской Твердыни.

24 июня 1935 г.

...Для Космических Сроков, для Великого Плана, истинно, ставятся во главу сосуда, испытанные на протяжении тысячелетий, и не бывало еще, чтобы они оказались предателями. Не будем заглядывать в глубь веков, но возьмем жизнь избранного сосуда, прошедшую почти что на наших глазах, – Е.П. Бл[аватской]. Все знают сейчас, какими черными предательствами со стороны ближайших была окружена Е.П. Бл[аватская] и как Космическая Справедливость уже воздала и будет продолжать воздавать в увеличивающейся прогрессии на земном плане. Так, имена малых предателей канули в Лету, имена больших остались символами черной неблагодарности и, прежде всего, глупости, тогда как имя Е.П. Бл[аватской] с каждым днем растет и будет расти, ибо труд, ей доверенный и явленный, неистребим никакими предательствами. Не говоря уже о том, что сама она уже достигла Недосыгаемой для предателей Твердыни. Как прекрасно пишет Баркер¹⁸ в своем Введении к ее письмам: «Те, кто восставал против нее, будучи не в состоянии опровергнуть ценность и истину ее философии, искали путем личной клеветы и опорочивания восстановить общественное мнение и тем самым отвлечь внимание от сокровища знания, которое давалось через нее Миру и которое, будучи беспристрастно рассмотрено, несет в себе самом утверждение и убеждение в честности и бескорыстии».

Так и мы можем сказать, что весь Океан Учения, даваемый через Ф[уяму] и меня, весь План, так же как и все творения и труды Н.К., отмечены печатью высшего Иеровдохновения, потому низшие сознания, не могущие охватить все величие даваемого и творимого, в зависти своей стараются всячески опорочить и умалить носителя их. Но не будем гневаться на этих нападающих, это ни к чему! Ибо как карликовому сознанию, привязанному к земле и преходящим ценностям, дорости до планетарного размаха сознания Гиганта. А новые русск[ие] так и называют Н.К. – «Гигантом мысли». Истинно, можно вспомнить мудрые слова: «Ты стал выше их, но чем выше поднимаешься ты, тем меньшим кажешься ты в глазах зависти. Но больше всех ненавидят того, кто летает». Люди ведь сейчас особенно восстают против закона Иерархии. Ибо лишь Цари Духа знают все величие закона Иерархии, но рабское большинство всегда будет восставать.

¹⁸ Баркер Тревор, английский издатель.

20 июня 1936 г.

Спешу также послать Совет Вел[икого] Вл[адьки], данный всем ближайшим сотрудникам, и прошу Вас передать его ближайшим членам Правления: «Советую установить точку зрения на Теософ[ическое] Общество. Не следует осуждать Общество. Там, где Изображения Учителей и Упасики¹⁹, там не нужно осуждать. Много ошибок в Обществе, но все же там почитают Учителей. Кроме Каменской, все друзья. Потому не раздражайте их, упоминая ошибки. Особенно сейчас не нужно творить себе врагов. Когда силы тьмы нападают, тогда нужно не умножать врагов. Так укажите сотрудникам не осуждать, иначе не будет друзей. Советую принять к исполнению». Потому, родной Рихард Яковлевич²⁰, прошу Вас и всех ближайших проявить всю указанную бережность и будем осторожны со всеми сведениями, которые я раньше сообщала доверительно.

Конечно, мы можем утверждать, что не все книги г-на Ледб[итера] воспринимаются нами, но острого осуждения теософам высказывать не будем. Сообщу об этом Совете и Н.П. Сераф[ининой]²¹. У нас много друзей именно среди бывших и настоящих теософов, как в Америке, так и в других странах. Именно их сознание более подготовленное к восприятию основ Учения, потому проявим глаз добрый.

Теперь, что касается до книги Джинараджады, то, конечно, ее следует напечатать, раз она переведена и есть издатель. Ведь многие книги Джинараджады очень неплохи (кроме одной об Иерархии Света).

22 июня 1936 г.

Но не думайте, дорогой Александр Михайлович²², что мы ищем признания г-жи Кам[енской]. Ничто так не далеко от наших намерений. Даваемое ныне Учение должно и будет оцениваться лишь по его собственному внутреннему достоинству. Если кто, сидя в своем птичнике, не может объять космосопро- странственного размаха этого Учения, то можно лишь посоветовать ему скорее выйти из столь ограниченного положения. Потому мы никогда никого не зазываем. Но те, кто сами стучатся к нам, находят открытую дверь, и у нас немало друзей и среди теософов. В 25-м году

Вл[адька] Указал Н.К. написать картину «Вестник» и пожертвовать ее в основание Музея имени Е.П. Бл[аватской]. Этим даром и учреждением Музея Вл[адька] М. хотел увековечить имя той, память о которой преемники ее так усердно старались затушевать, особенно же некоторые наши сородичи.

Передаю Вам Указ Вл[адьки], данный сейчас всем ближайшим сотрудникам: «Советую установить точку зрения на Теософ[ическое] Общество. Не следует осуждать Общество. Там, где Изображения Учителей и Упасики, там не нужно осуждать. Много ошибок в Обществе, но все же там почитают Учителей. Потому не раздражайте их упоминанием ошибок. Кроме Каменской, все другие друзья. Особенно сейчас не нужно творить себе врагов. Когда силы тьмы нападают, тогда не нужно умножать врагов». Все сведения, ранее мною данные и о Ледб[итере], храните лишь для себя. Конечно, можно сказать, что некоторые труды Ледб[итера] Вами не воспринимаются, но от острого осуждения воздержитесь. Все же главные друзья наши во всех странах именно из лагеря бывших или настоящих теософов. Не будем забывать, что их подготовленное сознание помогает многим среди них оценить и Живую Этику. Скажите это всем сотрудникам Вашим – пусть не задевают.

20 августа 1936 г.

Истинно, никогда еще великие дела, складывавшие ступени грядущей эпохи, не были поняты или подняты правительствами и миллионерами, меценатами и всякого рода патронами и прочими. За примерами недалеко ходить, вспомним хотя бы ближайший – кто помог Е.П. Блаватской? А между тем она совершила великий подвиг; она самоотверженно заложила ступень нового сознания, прочно вошедшую в жизнь. Достойная оценка и почитание ее еще впереди.

23 октября 1936 г.

Спасибо за копию письма Е.Ф. Пис[аревой]. Да, она очень старенькая, и потому много спрашивать с нее нельзя. Отношения Соловьева²³ к Е.П. Блаватской запечатлены им самим в его книге «Современная Жрица Изиды», написанной им уже после ее смерти. Для каждого мало-маль-

¹⁹ Духовная ученица в миру (санскр.).

²⁰ Рудзитис Рихард Яковлевич (1898–1960), латышский поэт и писатель, председатель Латвийского общества Рериха с 1936 г.

²¹ Серафинина Надежда Павловна (ум. 1958), первый председатель Литовского общества Рериха.

²² Асеев Александр Михайлович (1902/03–1993), доктор медицины, русский эзотерик, издатель журнала «Оккультизм и Йога» в Белграде (Югославия), затем в Асунсионе (Парагвай), в котором Е.И. Рерих вела рубрику «Свободная трибуна».

²³ Соловьев Всеволод Сергеевич (1849–1903), русский романист, автор книги «Современная жрица Изиды», содержащей клеветнические измышления против Е.П. Блаватской.

ски разбирающегося читателя книга эта является суровым обличением самому автору. Г-н Соловьев не заметил, какой суровый приговор он сам подписал себе этой книгой! Вся тупая самонадеянность бездарности, вся подлость, предательство и мелочность его натуры так и сквозят на каждой странице. Эпизод из жизни Соловьева, приведенный в письме Е.Ф., описан в томе «Писем Е.П. Бл[аватской] к Синнету»²⁴. Письма эти замечательны. И когда русские теос[офы] прочтут оба тома – «Письма Махатм к Синнету»²⁵ и «Письма Е.П. Бл[аватской] к Синн[етту]», то многое встанет на свое место. В этих томах вы имеете всю историю Теос[офического] Общ[ества] и главных фигур этого движения, и без всяких прикрас. Биография и статьи о Блав[атской] очень нужны, но также важно ознакомить Русское общ[ество] со всеми ее основными трудами. Когда мы знаем труды человека, то и биографии его получают совершенно иной смысл и значение. Знаю, как Вел[икий] Вл[адика] М. был недоволен всеми биографиями, написанными о Блав[атской]. Ведь не нашлось тогда ни одного чуткого и умного сотрудника, который мог бы оценить эту титаническую натуру. Мелочность природы всех этих биографов видела лишь то, что было доступно их мешанскому кругозору. Конечно, Миид²⁶ написал не так плохо, но все же А. Безант, пожалуй, лучше всех сказала о Е.П. Бл[аватской]. Конечно потому, что сама она была крупным духом и только ее несчастная близость к Ледб[итеру] и неизжитое честолюбие и самомнение к концу жизни затуманили ее блестящий интеллект. Сейчас получила письмо из Парижа – на днях мне вышлют две рукописные тетради – биография Е.П. Бл[аватской], написанная ее сестрой В. Желиховской²⁷ и нигде еще не опубликованная. Передает ее мне гр[афиня] Д'Отман де Виллье, сама она русская и получила эту рукопись от наследников Желиховской. Мы знаем, что между сестрами не было дружбы, но по человечеству бывает, что после смерти лица, которому завидовали, начинают его особенно превозносить, также из-за личных соображений.

Вернемся к Е.Ф. Пис[арево]. Не перегружайте ее. Выказать дружелюбие – не значит чрезмерно ухаживать. Самое трудное на пути ученичест-

ва – это соблюдение во всем меры или равновесия. Именно нужно выполнять Указания так, как Сказано – ни больше, ни меньше. Но в устремлении своем ученик умудряется перестараться, забывая, что все лишнее так же вредно, как и все недоделанное, и даже вреднее. Для Вашего сведения – Н.К. еще в прошлом ноябре послал Е.Ф. серию кн[иг] Жив[ой] Эт[ики] и сказал ей, Кем они даны, вернее, ответил на заданный ею вопрос, но до сего дня она ни словом не обмолвилась о них в своих письмах. Там, где сердце молчит, там не приходится искать огня. Окажите ей внимание, примите то, что она может дать, но не перегружайте ее ничем.

14 декабря 1936 г.

Теперь еще одно сведение для Вас. Перстень Е.П. Бл[аватской], перешедший от нее к А. Без[ант], а после смерти последней к Ар[унделю]²⁸, принадлежал раньше Калиостро²⁹, а не Бел[ому] Бр[атству], о чем имеется свидетельство Джинараджадазы. В одной теос[офической] книге, вероятно в дневнике Ольк[отта], описывается эпизод потери этого перстня. Правда, Е.П. Бл[аватская] скоро нашла его, но камень с изображением розенкр[ейцевских] символов оказался разбитым, и его пришлось заменить. В подтверждение этого эпизода могу привести Вам другое показание об этом перстне. Так, в небольшом томе «Писем Учителей Мудрости» за период 1875–1876 [годов], переписанных и изданных с примечаниями Джинарадж[адазы] и с предисловием А. Без[ант], имеется письмо от Вел[икого] Уч[ителя] Сераписа за номером 22, в котором упоминается потеря этого перстня, привожу его Вам в оригинале:

«Letter 22. The lost one is restored in its proper place. The gueburs made it invisible out of malice.

Brother mine, he who cares for the opinion of the multitude will never soar above the crowd. Serapis»³⁰.

Примечание, сделанное Джин[араджадазой]: «Это упоминание относится к розенкр[ейцевскому] драгоценному камню 18-й степени, который принадлежал Е.П. Бл[аватской], а теперь яв-

²⁴ The Letters of H.P. Blavatsky to A.P. Sinnett and other Miscellaneous Letters. Transcribed, compiled and with an Introd. by A.T. Barker. New York: Frederick A. Stokes, 1925. Синнетт Альфред Перси (1840–1921), англо-индийский журналист, деятель теософского движения, автор ряда книг по теософии: «Эзотерический буддизм», «Окультизм», «Случаи из жизни мадам Блаватской».

²⁵ The Mahatma Letters to A.P. Sinnett. Transcribed, compiled and with an Introduction by A.T. Barker. London, 1923.

²⁶ Миид Джордж Роберт Стоу, деятель теософского движения, писатель.

²⁷ Желиховская Вера Петровна (1835–1896), русская писательница, сестра Е.П. Блаватской.

²⁸ Арундейл Джордж, деятель теософского движения, третий президент Теософского общества (с 1934 г.).

²⁹ Калиостро Алессандро (Джузеппе Бальзамо) (1743–1789), граф, исследователь тайных наук.

³⁰ «Письмо 22. Потерянный хранится в надлежащем месте. Гueburs сделали его невидимым для преступных намерений. Брат мой, тот, кто заботится о мнении большинства, никогда не поднимется над толпой. Серапис» (англ.).

ляется собственностью А. Без[ант]. Говорят, что камень этот принадлежал Калиостро».

Вот как слагается легенда, которую Вы подчеркнули красным карандашом в Вашем письме.

Ваши ответы друзьям превосходны. Именно, Учение говорит само за себя. Итак, еще раз советую Вам оставить в покое злобных и завистливых людей, а также всех не разбирающихся, где истина. Не для них даются Наставления, но для тех, кто в сердце своем чуют мощь и красоту Учения Жизни. Именно последних нужно поддерживать во время Бури Армагеддона. Не остановить поток Учения, и много сотрудников рассеяно во всех концах мира. В час указанный соберутся они! (Может быть, и обстоятельства начнут выталкивать их к Северу. Ведь сороковой год не за горами. А кто может, тот и раньше найдет свой путь.)

Так, не горюйте, Виктор Михайлович³¹, но явите терпение, терпимость, мужество и храните сказанное для себя.

Пишите, как уладились Ваши отношения с т[еософами]? Помните изречения – «будьте мудры, как змеи...» и «не рассыпайте жемчуга...» и т.д.

Шлем Вам мысли бодрости, надежды, мудрой радости и поверх всех Торжественность в эти Времена Апокалипсиса.

Всего самого светлого.

Е.Р.

Прилагаю также и перепечатку из Адиарского «Теософиста» со статьей Н.К. Обратите внимание на последнюю страницу, где помещена заметка от изд[ательства].

Так было до поездки г-на Ар[унделя] в Женеву! Комментарии излишни.

7 января 1937 г.

Большое спасибо за присланный Вами протокол съезда Т[еософического] Общ[ества] от июля 36-го года. Хотя мы уже имели его от друзей-теософов, возмутившихся выраженному в нем узкому сектантству и невежеству, но Ваш полнее. Итак, они обвиняют Н.К. в том, что он воспользовался теософическими идеями, нигде не упоминая теософию. Но с таким же основанием можно указать господам теософам, что вся их современная теософия целиком заимствована из Восточной Философии. Ел[ена] П[етровна] Блаватская не скрывала источников, откуда она черпала свои сведения. Так даже в Предисловии к «Тайной Доктрине» Е.П. Блаватская, заканчивая его, при-

водит слова Монтэня³²: «Милостивые государи, здесь я дала лишь букет избранных цветов и не внесла ничего своего, кроме связующей их нити». Но если встать на точку зрения теософов, то мы тоже можем им сказать, что и они не имеют исключительного права на титул теософов, ибо наименование это встречается в истории в связи со многими мистическими обществами. Так и неоплатоники называли себя теософами, а в средние века и алхимики, и каббалисты, и т.д. Желание монополизировать Мировое Учение или Истину, а также и Общение с Вел[икими] Учителями звучит прямо-таки дико! Что за невежество, чтобы не сказать безумие! Привожу параграф из новой кн[иги] «Братство», который исчерпывающе отвечает на их посягательства.

«Сокровенное Учение не может застывать на одном уровне. Истина одна, но каждый век и даже каждое десятилетие своеобразно прикасаются к ней. Вскрываются новые свитки, сознание человеческое по-новому следит за явлениями Мироздания. Наука даже в блужданиях находит новые сочетания. От таких находений лишь утверждаются основы, прежде обнародованные. Каждая премудрость неопровержима, но она будет иметь своих продолжателей. Почитая Иерархию, чтут и вестников Ее. Мир живет движением, и выдача Сокровенного Учения утверждается продвижением. Скудоумы назовут такое продвижение нарушением основ, но мыслители знают, что жизнь в движении. Даже познание языков умножит восприятия новых находений. Сколь же больше принесет освобожденная мысль! Каждое десятилетие открывает новый подход к Сокровенному Учению. Читавшие его полвека назад читали его совершенно иначе. Они подчеркнули совершенно иные мысли, нежели читающие сейчас. Нельзя говорить о Новых Учениях, если Истина едина! Новые данные и новое восприятие их будут лишь продолжением познания. Каждый мешающий такому познанию совершает преступление против человечества. Последователи Сокровенного Учения не могут затруднять путь познания. Сектантство и изуверство неуместны на путях знания. Кто может нарушить познание, тот не есть последователь Истины. Век сдвигов народов должен особенно оберегать каждую стезю науки. Век приближения великих энергий должен открыто встретить эти светлые пути. Век устремления в Высшие Миры должен быть достоин такого задания. Свара и ссора есть удел сорников».

³¹ Сеплевенко Виктор Михайлович, корреспондент Е.И. Рерих из Болгарии, переводчик книг Учения на болгарский язык.

³² Монтень Мишель де (1533–1592), французский философ и писатель.

Таким образом, теософы типа Кам[енской], Сол[овской]³³ и Гельмб[ольдт]³⁴ осудили себя на уровень скудоумов. К их огорчению, должна сказать, что Н.К., кроме сочинений Е.П. Бл[аватской], никаких теософ[ических] книг не читал, ибо он предпочитает первоисточники и хорошо знаком с Восточной Мыслью и теми трудами, из которых черпала свои сведения и Е.П. Бл[аватская]. Также и я могу сказать про себя, что моими первыми земными учителями были книги Рамакришны³⁵, Суоми Вивекананды³⁶, «Бхагавад Гита», книги по Буддизму, «Лам-рин» Цзонкапы³⁷ и т.д.

С теософ[ической] литературой познакомилась я лишь в Америке и должна сказать, что после Восточных жемчужин и сочинений Е.П. Бл[аватской] литература эта не представила для меня ни малейшего интереса, некоторые же сочинения даже оттолкнули. Не мешало бы запросить теософов – почему они не издают по-русски «Письма Махатм»? Если их главам трудно перевести весь том, то я уверена, что нашлись бы молодые члены, которые охотно разделили бы

этот труд между собою. Также почему они не перевели небольшие книжечки «Ранних Писем Махатм»³⁸ и том писем Е.П. Бл[аватской]? Почему русск[им] теософам нужно ходить в шорах и ничего не знать об истинной истории теософического движения и его деятелей? Почему, упоминая об Алисе Бейли³⁹, они умалчивают о гораздо более

давнем и значительном Центре в Калифорнии, которым руководил Вел[икий] Уч[итель] Илларион? Почему Центр Калифорнии может издавать книгу Учения Уч[ителя] Ил[лариона]⁴⁰, а председатели Теософ[ических] Отделов не провещались за все эти годы ничем подобным? Правда, мы узнали от них великую весть о пришествии Мирового Учителя в образе Кришнамурти⁴¹ и Матери Мира в облике Деви Рукмини⁴², а также об избра-

нии двенадцати Апостолов. Ведь все это безвкусие запечатлено на страницах журналов, и ничем это не изгладить! Нельзя бывшее сделать не бывшим. Неужели после всего этого кто-то еще может настаивать на своем исключительном авторитете и на исключительном Общении с Вел[икими] Учителями. Истинно, они рассчитывают на наивных игнорамусов⁴³!

Что же касается до обвинения Учения А[гни] Й[оги] в поощрении к развитию психизма, то из этого замечания ясно, насколько г-жа Кам[енская] и ее сотоварки не понимают, что есть великая психическая энергия. И все труды Е.П. Бл[аватской] не просветили их сознания. Отрицать психическую энергию и накладывать veto на

ее развитие равносильно посягательству на жизнь человека. Эти умудренные даже не понимают, что психическая энергия есть энергия всеначальная и каждое удушение ее грозит взрывом или смертью. Привожу параграф из Учения. «Следует принять гостя достойно, но нельзя насильно зазывать гостей – так знает каждый домохозяин. Совершенно

Е.П. Блаватская. Лондон, 1889

³³ Соловская, член Российского теософского общества.

³⁴ Гельмбольдт Цецилия (ум. 1937), член Российского теософского общества.

³⁵ Рамакришна (Гададхар Чаттерджи) (1836–1886), индийский философ и подвижник.

³⁶ Вивекананда (Нарендранатх Датт) (1863–1902), индийский философ и общественный деятель, ученик Рамакришны.

³⁷ «Lam-rim Chen-mo» («Ступени пути Просветления») – основной труд реформатора тибетского буддизма Цзонкапы.

³⁸ Letters from the Masters of the Wisdom. Transcribed and compiled by C. Jinarajadasa. First Series. Adyar, Madras: Theosophical Publishing House, 1919. – Second Series. Adyar, Madras: Theosophical Publishing House, 1925.

³⁹ Бейли Алиса Анна (1880–1949), американский эзотерик, основательница общества «Arcane School».

⁴⁰ Teaching of the Temple. The Temple of the People, Halcyon, California, 1925.

⁴¹ Кришнамурти Джидду (1896–1986), индийский религиозный мыслитель и поэт.

⁴² Арундейл Рукмини Деви (1904–1986), деятельница теософского движения, жена Дж. Арундейла.

⁴³ Нежежд (от лат. ignoamus).

так же и в применении психической энергии. Нельзя насиловать ее, но следует принять ее проявления достойно. Пусть невежды толкуют о нежелательности применения психической энергии, но когда уже энергия работает, тогда невозможно отрицать ее и остается найти ей естественное приложение. Пусть ученые скажут, что произойдет, если пространственное электричество будет напряжено до бесконечности. Пусть расскажут, чем кончится непомерное напряжение. Невозможно отрицать, что теперь особенно напряжены пространственные токи. Не время их отрицать, нужно поспешить с их применением. Уже много раз указывалось на опасность низшего психизма. Значит, нужно помыслить о высшей энергии, которая понимается как духовность».

Кроме того, как Вы правильно заметили, они даже не дали себе труда ознакомиться со всеми книгами Учения. Так же как невежественно утверждать, что указанные в А[гни] Й[оге] методы развития духовных и психических сил приемлемы лишь в Монголии и Тибете, но не для арийской расы. Кто сейчас не знает, что все йоги пришли в Тибет и Монг[олию] из арийской Индии, а не наоборот.

Какие именно физические методы для развития психических и духовных сил, якобы указанные в А[гни] Й[оге], которые не отвечают арийской расе? И не наполнены ли все книги Уч[ения] прежде всего основами Этики? Но, как Сказано, нет худших слепых и глухих, нежели те, которые не хотят видеть и слышать.

О Сергии Радонежском можно им ответить, что Н.К. писал картины из жизни этого Великого Подвижника, когда никто из эмиграции не выступал в печати с этим Именем. Разве теософы имеют доступ к нашей внутренней жизни и к нашим сокровенным Записям? Также пусть укажут нам те частные письма, в которых Н.К. говорит против теософов? О теософах в частной переписке писала я, ибо ко мне обращались за многими разъяснениями по поводу некоторых теософических утверждений. И я снова и снова готова подтвердить, что некоторые теософические светила не являются для меня авторитетами. Также мы не ищем последователей среди теософов, наше правило – никогда никого не зазывать. Но если люди, заинтересованные кн[игами] Учения, искренно вопрошают нас, то мы им отвечаем, предоставляя им полную свободу вступать и формировать те или иные группы. Так, на днях одна такая группа прислала нам весть из Новой Зеландии, а еще раньше – из Ка-

нады, и, как всегда, среди них есть и теософы. А сейчас пришла весть, что группа русской молодежи собирается пройти пешком вокруг света, неся Знамя Мира.

Также впервые слышу, чтобы посланники Бел[ого] Бр[атства] не утверждали себя таковыми там, где нужно. Разве Е.П. Бл[аватская] скрывала, что она послана Бел[ым] Бр[атством], и не утверждала свою миссию? Конечно, посланники или вестники не кричат на базаре о своем приближении и поручении. Даваемое через них само говорит за себя и воспринимается чуткими сердцами, но там, где нужно и где им Указано, там они должны это утверждать. Но разница в том, что истинные вестники не будут называть себя Мировыми Учителями, или грядущими Дхиан-Коганами⁴⁴, или даже Апостолами и присваивать себе чужих воплощений и, главное, не будут писать ложных и безвкусных книг и монополизировать Общение с Вел[икими] Учителями.

Что же касается до инкриминируемых вале-риана и мускуса, то средства эти входят в Аюрведическую медицину. И для меня откровение, что Аюрведическая медицина принадлежит к Четвертой расе!!! Опять хочется сказать – милые, знайте больше!

Смешно читать и о высочайших степенях посвящения, которых можно достичь в современных школах. Высшие степени достигаются лишь внутренним усовершенствованием, которое никакая современная эзотерическая школа, даже если бы во главе ее стояла такая «йогиния», как г-жа Каменская, дать не может. Посвящения происходят наедине между Вел[иким] Учителем и учеником, и результатом их является следующая ступень восприятия Высших энергий или Лучей. Потому такие Посвящения происходят всегда неожиданно и часто просто в спальне или рабочей комнате. И этот Праздник Духа остается неизгладимым в сознании и сердце ученика. Эти Праздники Духа не имеют ничего общего с бутафорией посвящений, описанных в некоторых оккультных книгах.

Также и г-же Сол[овской] скажем, чтобы она не беспокоилась. Е.П. Бл[аватская] почтена нами, может быть, больше, чем замалчивающими о ней теософами. Так, Н.К. написал в 25-м году картину «Вестник», посвященную памяти Е.П. Бл[аватской], и сам отвез ее в Адиар, где положил начало Музею Памяти Е.П. Блаватской. Именно наша мечта – достойно почтить Имя Бл[аватской], когда наступит срок. Также пусть г-жа Сол[овская] не беспокоится: мы не будем из-

⁴⁴ Владыки Света (санскр.).

лагать их теософию, ибо имеем Океан Учения и все сокровища Восточной Мудрости.

Также, родная Надежда Павловна⁴⁵, никогда не следует разубеждать в чем-либо неверов. Ведь для главарей теософов признать Источник книг Жив[ой] Эт[ики] равносильно подписанию отказа от своего духовного приоритета. Потому оставим им эту человеческую утеху считать себя папами римскими. Учение не может быть умалено их непризнанием или возвеличено их признанием. Истина сама говорит за себя. На этом поставим точку.

31 июля 1937 г.

Конечно, Вы правы, что людям нелегко разобраться во всем обилии появляющихся сейчас самоявленных адептов, но для этого и даны были через Е.П. Бл[аватскую] Основы Учения Бел[ого] Братства, но кто удосужился изучить их? Все предпочли облегченные и удобные интерпретации, вместо того чтобы направить свое внимание именно на Основные Заветы. Утверждаю, что Е.П. Бл[аватская] была единственной посланницей Бел[ого] Бр[атства], она одна ЗНАЛА. После нее было дано через Франча Ла Дью⁴⁶ замечательное Учение Вел[икого] Уч[ителя] Бел[ого] Бр[атства] Иллар[иона], но кто из наших соотечественников слышал о нем? Вероятно, и г-н Памфоров⁴⁷ не получил разрешения упоминать о нем, впрочем, вернее, что ничего не знает о нем.

Сейчас дается Океан Учения Жив[ой] Эт[ики], изучив его, человек будет вооружен на дальнейший путь, ибо сознание его расширится и распознавание станет сопутствовать ему на его жизненном пути.

Вы спрашиваете, каким образом высокий дух может заниматься обманом, выдавая себя за Учителя Белого Братства? Но, прежде всего, следует установить, в чем заключается такой критерий? Критерий земной может очень различаться от критерия надземного. Святошество и приторная, часто лицемерная доброта не будут признаком величия духа. Вернее судить о величии духа по его терпимости, вмещению и великодушью.

2 сентября 1937 г.

Е.Ф. П[исарева] снова написала дружественное письмо Н.К., но, по-видимому, не нашла

еще в себе достаточно мужества, чтобы встать на определенную точку зрения по отношению к кн[игам] Ж[ивой] Эт[ики]. Иногда мне кажется, что ей очень хотелось бы вырваться из-под опеки своей Аввы. Но кто сказал, что нужно подчиняться во всем иерархическому началу А.А. К[аменской]? Кто установил этот авторитет? Мне кажется, что прямая обязанность всех русских теос[офов] – ознакомиться прежде всего со всеми трудами Е.П. Бл[аватской]. Почему должны мы подходить к Учению, принесенному Е.П. Блаватской, через английские очки? Кроме того, как пишет Е.Ф. П[исарева], в Адираре имеется целый сундук ее рукописей. Среди них имеются и еще не опубликованные, и даже рукописи на русском яз[ыке]. Спрашивается, почему они не были доверены в свое время главам Р[оссийского] Т[еософического] движения для ознакомления с ними русских и английских членов Т[еософического] Общ[ества]?

На вопрос, как может быть в вашем обществе тот или другой несовершенно человек, можно ответить вопросом же – а где они, совершенные? К тому же мерило Вел[иких] Уч[ителей] значительно различается от мерила земного. Часто внешний человек много лучше внутреннего, но Вел[икие] Уч[ителя] принимают во внимание именно внутреннего человека. Кроме того, в задание нашего Общества не входит создание ангелов, пусть этим занимается церковь. Кстати, тысячелетия ее существования и мирового распространения и владычества наглядно показали, насколько она в этом преуспела. Следствия налицо. Наша задача гораздо скромнее. Мы просто желаем помочь приходящим к нам хотя бы несколько расширить сознание и получить ответ на многие проблемы жизни, на которые не смогла ответить церковь. Имеющиеся у нас кн[иги] Учения Жизни по своей космосопространственной широте мысли именно дают ответ на все запросы. Итак, пусть не ищут ангелов среди наших членов, мы заняты людьми.

12 ноября 1946 г.

Моя родная Зиночка⁴⁸ не будет сокрушаться трудностью нахождения истинно преданных людей. Если бы несение Креста Культуры было легко, то и заслуги не было бы. Кого нашла Блават-

⁴⁵ Серафимина Надежда Павловна.

⁴⁶ Ла Дью Франча (1849–1922), американский философ-эзотерик, основательница общины «Храм Человечества» в г. Алсионе (США, шт. Калифорния).

⁴⁷ Памфоров, последователь учения П. Донова (Болгария).

⁴⁸ Фосдик Зинаида Григорьевна (урожд. Шафран, по первому мужу Лихтман) (1889–1983), ближайшая сотрудница Е.И. Рерих, член Правления Музея Николая Рериха в Нью-Йорке, с 1949 г. – исполнительный директор; вице-президент и директор Мастер-Института Объединенных Искусств, преподаватель музыки Международного художественного центра «Corona Mundi».

ская? Неужели Олькотта, который уявил столько злопамятства и зависти, допустив в своем «Дневнике» неуместные и злобные замечания о ней, о ней, все ему открывшей. Или Синнетта, типичного самомнительного англичанина, получившего так неизмеримо много от В[еликого] Уч[ителя] за оказание им некоторой поддержки Блаватской, и все же оказавшего ей недоверие? Неужели Безант, которая привлекла Ледбитера, этого черного гения теософ[ского] движения? Или даже граф[иню] Вахмейстер⁴⁹, очевидца многих доказательств заботы и доверия Вел[икого] Уч[ителя] к Е.П. Б[лаватской] и все же допустившую в мыслях из-за наговоров негодяев сомнение в непонятных для нее действиях Е.П. Б[лаватской] – это врожденного благородства, самоотверженности, бескорыстия и честности! Жалкие карлики! Немало еще их, чей нравственный и умственный уровень настолько низок, что они не могут вместить в свои узкие рамки гениальную сущность Е.П. Б[лаватской]. Она им уявляется как бы в вогнутом зеркале. Но такие жестокие искажения претерпевались всеми великими людьми, не говоря уже об искаженных Обликах Вел[иких] Учителей человечества. Остается одно утешение – нестирае-

мость рекордов Акаши, хранящих истинные лики великих деятелей, их мысли и намерения. Кто сможет подняться на такие Высоты, прочтет эти рекорды.

27 августа 1949 г.

Дух Блаватской имел многовековые накопления знания, и потому она могла собрать «Тайную Доктрину» и принести миру подтверждение и знание утерянное о существовании Вел[икого] Братства. Никогда не следует приводить сравнения, ибо кто может понимать и знать разницу строений организмов, избранных для несения определенных поручений.

Блаватская уже в своих прежних жизнях уявлялась на йогическом пути, но в этой жизни ей пришлось принять тело сильного медиума, ибо поручение ее было работать среди большого числа людей, среди постоянного враждебного к ней отношения и окружения дисгармоническими аурами и уявлять чудеса для убеждения избранных в существовании иных законов Природы, в существовании знания высшего.

Публикация и примечания Т.О. Книжник

Из писем Н.К. Рериха Е.Ф. Писаревой

15 июля 1936 г.

Дорогая Елена Федоровна,
<...> Вы видите, что и мифические лекции, и столь же мифические американские рассказы, все это оказалось лишь чьими-то злобными выдумками. То же самое и во всем остальном. Конечно, ни мы, никто из наших друзей не может быть против Теософии. Основоположенники Великие и наша славная соотечественница Е.П. Б[лаватская] уже являются залогом того, что все около происходящее не может вызывать недоброжелательства. Если кто-то злобный и в этом старается изобрести гнусную выдумку, то да будет ему стыдно. Напрасно Вам кажется, что д-р Асеев, к которому, как я уже писал Вам, Е.И. [Рерих] и я питаем самые лучшие чувства, будто бы имеет что-то против Теософии. Ничего подобного. Ведь в его журнале был прочувствованный некролог об А. Б[езант], в котором она названа «сверхчеловеком». Если же, как Вы пишете, не был помещен некролог Ледб[итера], то к тому могли быть особые причины. Во-пер-

вых, этого некролога я не видел и потому содержание его нам не известно. Во-вторых, нам известно, что очень многие теософы, французские, американские, английские, австралийские имеют на этого деятеля свою особую обоснованную точку зрения. Поэтому от факта непомещения некролога Ледб[итера] до неприятия Теософии неизмеримая разница. Вы пишете, что хотели бы послать д-ру Асееву свою статью. Какая прекрасная мысль, и я уверен, что он будет глубоко рад ей, ибо предчувствую, что Вы напишете что-то вдохновенное о нашей почитаемой Е.П. Б[лаватской]. Просим Вас, напишите о ней. Напишите в тех возвышенно-сердечных тонах, которыми отличается все написанное Вами. О Е.П. Б[лаватской] необходимо написать именно Вам. Еще совсем недавно мне было прислано два гнуснейших выпада против нее, – один из Харбинской газеты, другой из русской Нью-Йоркской. Увы, оба эти мерзкие выпады были подписаны русскими именами. Какой стыд. Тем более нам русским нужно всемир-

⁴⁹ Вахмейстер К.Е., графиня, автор книги «Воспоминания о Е.П. Блаватской (Wachtmeister K.E. Reminiscences of H.P. Blavatsky and The Secret Doctrine., L., 1893).

но отстаивать наших великих соотечественников, что, как видите, не кто иной, как сами же русские дерзают бросать грязь в то великое, что эти люди по невежеству и понять-то не могут. Кроме того, многим хорошим русским кажется, что имя Е.П. Б[лаватской] сознательно ли или бессознательно иногда умалется и затушевывается разными другими именами. Вы должны быть уверены, что мы далеки от каких бы то ни было умалений. Каждый работник на светлой ниве культуры должен быть добросовестно и благобно бережен. Поэтому прошу Вас, напишите светлую статью о Е.П. Б[лаватской]. Это будет истинный праздник для нас и для всех друзей культуры. <...>

17 августа 1937 г.

Дорогой, добрый друг наш, Елена Федоровна, посылаю Вам копию отвратительной листовки, полученной нами с Даль[него] Вост[ока]. Несколько времени тому назад я посылал Вам поддержку из тоже отвратительной книги «Враги Вселенной», в которой так невежественно была оклеветана почитаемая Е.П. Б[лаватская] и многие другие. Теперь же Батурин⁵⁰ с авторами «Врагов Вселенной» распространяет прилагаемый текст листовки. Таким образом получается целая продуманная гадкая атака на многое ценное. При этом особенно странно, что члены Т[еософического] О[бщества] как бы не знают об этих организованных выпадах. Предполагают, что принадлежность А. Б[езант] к масонству будто бы могла послужить причиной этих нападений. Но, конечно, причина лежит еще глубже, ибо мракобесам нужно вообще оклеветать и по возможности разложить все лучшие устремления человечества. Еще и еще раз радуюсь Вашим биографическим очеркам о Е.П. Б[лаватской]. В недавно полученном нами № 8 «О[ккультизм] и Й[ога]» мы все были рады читать Ваш очерк. Чем больше справедливых и добрых слов будет сказано о великой русской женщине, тем это сейчас необходимее. Еще недавно мы опять слышали, что некоторые люди книг не читают и в то же время со злорадством и несправедливостью невежества высказываются о том, чего они вообще не знают и не желают. Печально, что некоторые люди желают бороться, только вовсе не там, где их борьба нужна.

18 августа 1937 г.

...Большое спасибо Вам за объявление о Мемуарах Е.П. Б[лаватской]. Мы о них читали и как раз выписали их. Чрезвычайно интересно

будет их получить, Вы знаете, как все мы почитаем Е.П. Б[лаватскую]. Елена Ивановна с нетерпением ожидает эту книгу, ведь у нее собрана вся литература о Е.П. Б[лаватской] и Т[еософическом] О[бществе]. А вот из Болгарии к нам опять дошли вести, что там досужими членами Т[еософического] О[бщества] распускается старая клевета о враждебности нашей к Т[еософическому] О[бществу]. Что это – полная ли авидия⁵¹ или злопыхательство?

1 октября 1937 г.

Дорогой друг наш, Елена Федоровна, <...> Вы спрашиваете о книге «Биография Е.П. Б[лаватской]». Мы получили ее и весьма изумлялись. Ничего дурного в ней не содержится, но вся она состоит из общеизвестных сведений и решительно ничего нового в ней не сказано. Поэтому странно звучит сообщение о том, что материалы для этой книги впервые почерпнуты из доселе недоступных источников. Мы купили книгу в Адьяре, и нам прислали ее с вычеркнутым красным карандашом заявлением издательства о том, что материалы взяты из Архивов Адьяра. Во всяком случае книгу нельзя квалифицировать как вредную, ибо в ней никакого умаления или клеветы не содержится. Для людей, которые ранее не читали в разных источниках о подвижнической деятельности Е.П. Б[лаватской], и эта книга будет весьма полезна, хотя по цене и немногим доступна. Ведь главное, чтобы не было каких-то умалений, подковырок и подозрений. В этом смысле иногда родственники самой Е.П. Б[лаватской] грешили больше, нежели посторонние писатели. Впрочем, к сожалению, нередко родственники судили несправедливо. Достаточно вспомнить, что писали сыновья Толстого о своем великом отце. Недавно нам прислали проекты ныне возводимого огромного Института Экспериментальной Медицины в Моск[ве]. А теперь мы слышим, что еще основан Институт Изучения Индо-Тибетской Медицины. Вы понимаете, куда направляется мышление. Ведь восточная медицина привлечет изучение и философии. Елена Ивановна убеждена, что на Родине будет и Институт имени Е.П. Б[лаватской]. Еще не хватает, чтобы Т[еософическое] О[бщество] стало бы преследовать за почитание великой соотечественницы и распространение ее трудов. Сейчас происходят в мире такие странности, что за Христа будут преследовать Христиане. <...>

Публикация О.А. Лавреновой

⁵⁰ Батурин К., член группы «Окультурный центр» (Шанхай).

⁵¹ Незнание (санскр.).

Неизвестный художник. Две Елены. Е.А. Ган и Е.П. Ган (Блаватская). 1844–1845

Елена Ган и Елена Блаватская. Неизвестный парный портрет

Бесценной реликвией создающегося в Днепрпетровске Музейного центра Е.П. Блаватской и ее семьи является парный портрет, на котором изображены русская писательница Елена Андреевна Ган и ее старшая дочь Елена, тогда еще Ган, но в скором будущем – Елена Петровна Блаватская.

В нескольких словах история портрета такова. Написан он предположительно в 1844–1845 годах и с тех пор хранился в семье Ганов, в их родовом имении близ села Шандровка в Приднепровье. В 1910-е годы был перевезен владельцами в Крым, в конце 1950-х – в Киргизию. В 1991 году портрет возвращен в Приднепровье.

Судьба парного портрета «Две Елены» так же драматична, как и судьба древнего аристократического рода Ган, к которому принадлежала Е.П. Блаватская. О портрете-сенсации, о предках и потомках Вестника Света, а также о некоторых итогах и проблемах работы исследователей этот рассказ.

Все началось в 1991-м. В тот год – год 160-летия со дня рождения Елены Петровны Блаватской – в Днепрпетровске впервые прошли посвященные ей юбилейные торжества. При участии украинских, российских и международных общественных организаций, при стечении сотен исследователей и последователей из разных городов и стран состоялась первая в Отечестве масштабная научная конференция «Е.П. Блаватская и современность». На Доме Фадеевых, в котором 31 июля 1831 года родилась Е.П. Блаватская, была установлена в те дни мемориальная доска; в залах Исторического и Художественного музеев созданы тематические выставки. События в Днепрпетровске широко освещались прессой, представители власти соглашались с инициативой общественности и публично подтверждали намерение создать на родине соотечественницы, обладавшей «великим духом и огненным сердцем» (Е.И. Рерих), музей и научный центр ее имени.

На базе Днепрпетровского исторического музея им. Д.И. Яворницкого к тому времени уже год работал общественный совет – Фонд Е.П. Блаватской. Его создатели поставили перед собой задачу разработать проект Музейного центра Е.П. Блаватской и ее семьи. Силами этого совета (им руководили в те годы журналисты Виктор Мачула, Анатолий Коротченко и автор

статьи, а активно поддерживал их руководитель комиссии по культуре горсовета Сергей Шевченко) готовились и проводились все юбилейные торжества.

Вскоре после их завершения в Исторический музей пришло адресованное Фонду Е.П. Блаватской письмо из Ташкента. Писем тогда приходило много, но это было особенным. Оно поразило именем отправителя: Никита Константинович Ган. Автор сообщал, что является, как и Е.П. Блаватская, потомком барона Августа Гана, приехавшего в Россию в середине XVIII столетия и оставшегося здесь навсегда, став родоначальником российской линии немецких аристократов. Автор письма приводил генеалогию своего древнего рода. На этом древе они с Блаватской, как ему ни жаль, на разных ветвях. Хоть и родственники, но очень дальние. А дальше фраза: «Занимаясь восстановлением генеалогического древа российской линии Ганов и пройдя лишь только ее начальную стадию, а занимаюсь я этим систематически с 1986 г., мне тем не менее удалось многое восстановить, в том числе найти живущих потомков младшей ветви Августа Гана... к которой принадлежит Е.П. Блаватская. Потомки этой ветви... ныне проживают в г. Бишкек...»¹

Вскоре мне посчастливилось встретиться в Ташкенте с Никитой Константиновичем Га-

¹ Ган Н.К. Письмо в Фонд Е.П. Блаватской от 19.08.1991 г. Научный архив Музейного центра Е.П. Блаватской и ее семьи.

ном (род. в 1932 г.), его сестрой Еленой Константиновной (род. в 1935 г.) и услышать драматический рассказ о судьбах потомков Е.П. Блаватской в XX столетии. Представители знатного рода, дети царского офицера Константина Сергеевича Гана (1893–1937), работавшего в советское время в иностранном отделе военной разведки, в 1937-м стали детьми врага народа. Отца расстреляли, мать приговорили к десяти годам лагерей, пятилетнего мальчика и его двухлетнюю сестру отправили в детский дом. Вскоре после этого красивую девочку удочерила семья представителей ташкентской партноменклатуры, дав ей другое отчество и фамилию (только через годы Елена сумела вернуть себе и своему сыну Алексею родовое имя).

Прослужив около 40 лет в гражданской авиации, все последние годы Н.К. Ган по крупицам собирает информацию о родителях, о предках. Его уникальные знания и собранные им материалы бесценны и открывают славную, трагическую, малоизвестную историю российских Ганов.

Документы свидетельствуют, что в 1857 году из Мекленбурга в Петербург приехали по приглашению царского правительства Густав Ган фон Роттенштерн-Ган и Вильгельм Ган фон Роттенштерн-Ган – представители старинного немецкого аристократического рода, восходящего, по семейному преданию, к женской линии династии Каролингов и германским рыцарям-крестоносцам. Младшие сыновья в семье, они не могли рассчитывать на наследство и искали лучшей доли на чужбине. Мы ничего не знаем о судьбе Вильгельма в России, но о прадеде Елены

Петровны Блаватской – Густаве Гане, которого в России стали звать Августом Ивановичем (1729 или 1730–1799), удалось собрать некоторые сведения². Он родился в Анхальт-Цербсте, и есть предположение, что с детства был знаком со своей сверстницей, принцессой Анхальт-Цербстской, будущей императрицей Екатериной II, из рук которой позже получил высокую должность Санкт-Петербургского почт-директора, чин действительного статского советника,

русское дворянство и герб (в основе его древний рыцарский герб Ганов: красный шагающий петух на серебряном щите³), а также пожалованные земли (в том числе в Приднепровье). Так, с прадеда Елены Петровны Блаватской Августа Гана началась история российской ветви знатного немецкого рода.

Многочисленные дети и внуки Августа Гана занимали значительные посты в Российской империи и верно служили новому отечеству, вставая в него корнями и любовью.

Один из сыновей Августа Ивановича – Алексей Августович (около 1780 – около 1830) был генерал-лейтенантом, прославленным боевыми подвигами и увенчанным ор-

денами России. (Е.П. Блаватская родилась после смерти деда и могла знать о нем лишь по рассказам отца и его братьев.)

Отец Е.П. Блаватской, Петр Алексеевич фон Ган (1799 – 1873 или 1875)⁴ – один из восьми сыновей генерала, внук Августа Ивановича. Окончив Пажеский корпус, он служил в конной артиллерии. «Отец был капитаном артиллерийского полка, когда женился на моей матери»⁵, – вспоминает Блаватская в одном из писем своему первому биографу А.П. Синнету.

Российский герб рода Ганов

² Послужной список Августа Гана. РГИА. Фонд 1289. Опись 16. Дело 19, Дело 47. Жалованная грамота на дворянство Августу Гану. 9 декабря 1791 г. РГИА. Фонд 1343. Опись 19. Дело 570.

³ По преданию, однажды рыцарь-крестоносец граф фон Роттерштерн, разбуженный криком петуха (hahn), обнаружил в своей палатке сарацина. Незванный гость намеревался убить его. Спасший ему жизнь петух был включен в родовое герб и родовое имя, которое теперь стало звучать Хан фон Роттерштерн-Хан. См.: *Мэрфи Говард*. Когда приходит рассвет, или Жизнь и труды Елены Петровны Блаватской. Челябинск, 2004. С. 60.

⁴ Елена Петровна вспоминала: «В письмах, написанных по-французски, мы добавляли de к своей фамилии – как благородные. Если же фамилия писалась по-немецки, то добавляли von. Мы были и мадемуазель de Han и von Han. Мне это не нравилось, и я никогда не ставила de к фамилии Блаватского, хотя он и был знатного происхождения; его предок, гетман Блаватко оставил две ветви – Блаватских в России и графов Блаватских в Польше». См.: *Letters of H.P. Blavatsky to A.P. Sinnett*. Ed. By A.T. Barker. N.Y.–L., 1923. P. 150 (цит. по книге: *Нэф К. Мэри*. Личные мемуары Е.П. Блаватской. М., 1993. С. 9).

⁵ *Letters of H.P. Blavatsky to A.P. Sinnett*. P. 150 (цит. по книге: *Нэф К. Мэри*. Личные мемуары Е.П. Блаватской. С. 9).

О матери Е.П. Блаватской и ее семье написано значительно больше, чем о Ганах, и все же вспомним, что Елена Андреевна Ган, в девичестве Фадеева (1814–1842), происходила из столь же знатного, как и муж, рода. Ее родословная по линии Долгоруких восходит к Михаилу Черниговскому, по линии Бранде дю Плесси – к старинному французскому аристократическому роду, по линии Фадеевых – к русским столбовым дворянам и лифляндским немцам фон Краузе⁶.

Е.А. Ган была известной русской писательницей (литературный псевдоним Зенеида Р-ва⁷). Большая часть ее жизни связана с Приднепровьем, с Екатеринославом, где в родительской усадьбе на улице Петербургской прошли ее детство и юность, откуда она в шестнадцатилетнем возрасте ушла под венец, а через год в Доме Фадеевых с окнами на великий Днепр родила дочь Елену.

В повести «Утбалла», которая последний раз была издана сто лет назад, Е.А. Ган ярко и эмоционально изображает Днепр и днепровские пороги: «В одной из широких рек России есть место смерти; там волны вечно кипят и клокочут, прорываясь сквозь гранитные стены; и можно подумать, что дух мглы взгромоздил камни на камни, скалы на скалы, чтобы загородить путь волнам или выбросить реку из ее ложа. Но гордая река, свидетельница славы князей наших, не уступает: собрав все силы, она взбирается с камня на камень, кидается в бездны, крутится, бьет фонтанами, и, не находя выхода, с ревом отчаяния снова взбирается на утесы. В вечной борьбе колеблется гранит; река, наконец, пробивается на волю и там, утомленная, несется тихими струями к родному морю. С наступлением весны промышленники спешат воспользоваться половодьем, чтобы переплыть страшные пороги. Несколько пней, скрепленных деревянными гвоздями, составляют их флот, и отважные сыны Украины вверяют этим утлым судам свое богатство и свою жизнь.

Они выжидают ясного дня, служат молебен, одеваются в чистые рубашки, как будто готовятся к смерти, и пускаются вниз по реке. В молчании несутся их барки между живописных берегов; издали слышится рев волн, и вот дерзкие люди приблизились к роковому месту... Все весла, орудия отброшены; что могут сделать человеческие усилия против разъяренной стихии? Пловцы бросаются на колени; волны уже прыдают около них, кипят, орошают их брызгами и быстро мчат их к гибели. Кто из пловцов в эту минуту не бросает взора назад? Там зеленеют берега, там их мирные жилища, жены, дети родные; тут перед ними ад! Черные утесы грозно поднимаются из вод, заграждая им путь, и во всяком порыве волн им слышатся стоны несчастных, которые погибли еще до них в ненасытной пучине. Еще шаг – и они налетели на подводный камень. Бревно с треском отрывается от судна; пловец чувствует в жилах своих холод смерти; он простирает

Е.А. Ган

руки назад, хочет воротить прошедший миг, вцепляется во всякий куст, случайно выросший на камне, гибкая ветвь ускользает из рук, а волны, одна грознее другой, несут его к страшному мгновению!..

Но не всякое судно разбивается, не все пловцы погибают: часто река, с победою над враждебным гранитом, выносит их на могучих хребтах своих, и они спокойно продолжают путь»⁸.

Е.А. Ган стала значительным явлением в русской литературе, однако, как пишет ее младшая дочь, «бедной матери моей приходилось расплачиваться за то, что она опередила свой век: женщина-писательница в то время еще была дивное! Во Франции Жорж Санд, в России она, да родственница ее кузин Сушковых – графиня Раstopчина, – вот и весь, почти, счет храбрым пионеркам по тернистому пути, который они сгладили, на свой кошт, многим сотням последовательниц»⁹.

И.С. Тургенев писал о Елене Ган: «В этой женщине было <...> и горячее русское сердце,

⁶ Фадеев А.М. Воспоминания. 1790–1867. Одесса, 1897. С. 8.

⁷ Во многих источниках неверно указано «Зинаида», на самом деле это имя одной из литературных героинь Елены Андреевны Ган, которое стало и ее литературным именем. Р-ва – по месту рождения писательницы в местечке Ржищеве под Киевом.

⁸ Ган Е.А. Полн. собр. соч. СПб., 1905. С. 82–83.

⁹ Некрасова Е.С. Елена Андреевна Ган // Русская старина. 1887. Т. 53. С. 757.

и опыт жизни женской, и страстность убеждений, – и не отказала ей природа в тех “простых и сладких” звуках, в которых счастливо выражается внутренняя жизнь»¹⁰.

В 1843 году в журнале «Отечественные записки» была опубликована статья В.Г. Белинского «Сочинения Зенеиды Р-вой», которая и поныне является одной из лучших рецензий, посвященных творчеству писательницы, а тогда прозвучала еще и как эпитафия: «Есть писатели, которые живут отдельно жизнью от своих творений; есть писатели, личность которых тесно связана с их произведениями. Читая первых, услаждаешься божественным искусством, не думая о художнике; читая вторых, услаждаешься созерцанием прекрасной человеческой личности, думаешь о ней, любишь ее и желаешь знать ее самое и подробности ее жизни. К этому второму разряду принадлежит наша даровитая Зенеида Р-ва <...> Мир праху твоему, благородное сердце, безвременно разорванное силой собственных ощущений. Мир праху твоему, необыкновенная женщина, жертва богатых даров своей возвышенной натуры! Благодарим тебя за краткую жизнь твою: не даром и не втуне цвела она пышным, благоуханным цветом глубоких чувств и высоких мыслей... В этом цвете – твоя душа, и не будет ей смерти, и будет жива она для всякого, кто захочет насладиться ее ароматом»¹¹.

Прожив очень короткую жизнь, Е.А. Ган оставила отечественной литературе 11 романтических повестей, а семье – троих детей¹²: Елену – 11 лет, Веру – 7 лет и Леонида – 2 лет от роду.

Овдовев в 1842 году, Петр Алексеевич Ган вынужден был согласиться с последней волей своей жены и, понимая, что не сможет позаботиться о маленьких детях, большую часть времени находясь в военных гарнизонах, лагерях и походах, отдал их на воспитание ее родителям: Андрею Михайловичу Фадееву (1789–1867) и Елене Павловне Фадеевой (1788–1860). Но, окончив военную службу и выйдя в отставку, он все

последующие годы опекал детей¹³: путешествовал с Еленой, заботился и тревожился о ней до конца жизни; часто навещал Веру¹⁴ и ее детей; доживал свой век в семье Леонида¹⁵.

О братьях Петра Алексеевича Гана мы знаем немного. По источникам известно о Иване Алексеевиче Гане (даты жизни не установлены) – ротмистре лейб-гвардии кирасирского полка, а позже директоре департамента портов России в Санкт-Петербурге, с которым была дружна мать Блаватской, о котором вспоминала и она сама¹⁶. Вспоминала она и о другом брате отца – Густаве (даты жизни не установлены)¹⁷. Должна была знать она и о судьбе Алексея – еще одного брата отца.

Семейные предания говорят, что Алексей Алексеевич Ган (даты жизни не установлены) был выпускником Сухопутного императорского кадетского корпуса, членом Южного общества декабристов, высланным на безвыездное жительство в родовое имение отца – близ села Шандровка Екатеринославской губернии¹⁸. В гостях у брата Алексея в родовом имении на реке Орели Петр Алексеевич Ган бывал часто: сам, с женой, с детьми. Шандровская усадьба на Екатеринославщине стала для него, судя по всему, главной семейной пристанью после потери жены. Здесь он долго хранил свой архив и реликвии. Сюда, по всей вероятности, заезжал со старшей дочерью Еленой и во время путешествия по России и Европе в 1844 (по другим источникам, в 1845) году. Думается, тогда он мог оставить на хранение брату парный портрет жены и дочери «Две Елены».

Вся последующая история шандровского имения деда Е.П. Блаватской, доставшегося ее дяде и его потомкам, была вначале рассказана автору этой статьи в Бишкеке, а потом годами пополнялась новыми фактами.

Тогда, в 1991-м, попрощавшись с Н.К. и Е.К. Ганами, из Ташкента, отправилась в столицу Киргизии и познакомилась с профессором,

¹⁰ Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 28 т. М.–Л., 1963. Т. 5. С. 370.

¹¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 659.

¹² Был у четы Ганов и четвертый ребенок – сын Александр, родившийся в 1833 и умерший в 1835 году в селе Романьково на Екатеринославщине.

¹³ Через много лет после смерти Е.А. Ган Петр Алексеевич женился вновь. Жена его – баронесса фон Ланге – умерла вскоре после рождения дочери Лизы. Т.о. у Е.П. Блаватской была еще одна, сводная сестра, Елизавета Ган.

¹⁴ Вера Петровна Ган, в первом замужестве Яхонтова, во втором – Желиховская (1835–1896) – младшая сестра, преданный друг и защитник, биограф Е.П. Блаватской; известная русская писательница.

¹⁵ Леонид Петрович Ган (1842–1885) – младший брат Е.П. Блаватской, юрист. Жил со своей семьей и отцом, был мировым судьей в Ставрополе.

¹⁶ Letters of H.P. Blavatsky to A.P. Sinnett. Ed. By A.T. Barker. N.Y.–L., 1923. P. 150 (цит. по книге: *Нэф К. Мэри*. Личные мемуары Е.П. Блаватской. М., 1993. С. 9).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Участие А.А. Гана в восстании декабристов – семейная легенда, пока не получившая документального подтверждения.

Дом Фадеевых в Днепропетровске (Екатеринославле), где родилась Е.П. Блаватская

имя которого звучит так же, как имя отца Блаватской – Петр Алексеевич Ган (1916–1993), его женой – ученым-цветоводом и детьми – учеными-лесоведами Алексеем Петровичем и Натальей Алексеевной.

Профессору тогда было 75. Потомок старинного рода, внучатый племянник Е.П. Блаватской жил в Академгородке в небольшом домике с палисадником, утопавшим в цветах, за которыми трепетно ухаживала его жена. Доктор биологических наук, главный научный сотрудник Отдела леса Института биологии Академии наук Киргизии Петр Алексеевич Ган запомнился высоким, красивым, полным жизнеутверждающей энергии, ума и доброты человеком. Его судьба столь же драматична, как и судьбы всех Ганов, переломившиеся через революцию.

Общая с Блаватской родословная, которая восходит к Августу Гану и его сыну – генералу Алексею Августовичу Гану, далее расходится. Прадед профессора был родным братом отца Е.П. Блаватской. Это уже упомянутый Алексей Алексеевич Ган, у которого было пятеро детей

(два сына и три дочери). Один из его сыновей, Петр Алексеевич Ган (1864 или 1865–1915) был двоюродным братом Блаватской и дедом профессора. Именно он унаследовал имение предков близ села Шандровка в Екатеринославской губернии.

Как рассказывал профессор, его дед «был гусаром, рано вышел в отставку и быстро восстановил имение в с. Шандровка. У него был конный и лесозавод. В Алушке он построил большую и красивую дачу»¹⁹. Еще профессор рассказал автору статьи семейную легенду, которую услышал от своей матери. Согласно этой легенде, в 1880 году²⁰ шестнадцатилетний Петр Алексеевич Ган возвращался из Полтавского кадетского корпуса в Шандровку к родителям на рождественские каникулы. Ехал ночью в санях со станции Лозовая. В имении его с нетерпением ждала вся семья. Гостившая в доме своего деда и дяди Алексея Е.П. Блаватская дремала в кресле у камина. Вдруг она открыла глаза и закричала: «Волки! Волки! На Петю напали волки»²¹. К счастью, все обошлось благополучно,

¹⁹ Записано автором статьи со слов профессора П.А. Гана. Сентябрь, 1991 г. Научный архив Музейного центра Е.П. Блаватской и ее семьи.

²⁰ Как видим, профессор Ган относит эту историю к 1880 году и связывает ее со своим дедом. Однако это не совпадает с хроникой жизни Е.П. Блаватской (мы ничего не знаем о приезде ее на родину в 1880 году) и требует дальнейших исследований. Пока мы можем лишь предполагать, что или Блаватская приезжала на родину в 1880-е (что мало вероятно), или речь идет о визите Елены Петровны в Шандровку в 1860-е и о другом ее родственнике из семьи Ганов.

²¹ Записано автором статьи со слов профессора П.А. Гана. Сентябрь, 1991 г. Научный архив Музейного центра Е.П. Блаватской и ее семьи.

нападение волков удалось отбить и мальчик невредимым добрался домой. В семье о ясновидении Елены Петровны пораженные родственники говорили еще много лет.

Семейная легенда стала и сюжетом рассказа «Счастливец» младшей сестры Блаватской Веры Петровны Желиховской²².

Проведенные после 1991 года автором статьи и старшим научным сотрудником Музейного центра Т.И. Шапаренко²³ исследования свидетельствуют, что двоюродный брат Е.П. Блаватской Петр Алексеевич Ган был значительной фигурой на Екатеринославщине. В начале XX столетия он стал предводителем дворянства Новомосковского уезда Екатеринославской губернии²⁴, губернским гласным²⁵, почетным мировым судьей²⁶. Он был прекрасным хозяином²⁷, его работа по разведению овец редкой испанской породы рамбулье-мегретти была удостоена малой серебряной медали в области животноводства на Екатеринославской Южно-Русской областной сельскохозяйственной, промышленной и кустарной выставке в 1910 году²⁸.

Кроме того, П.А. Ган был членом совета Екатеринославского музея им. А.Н. Поля, коллекционером, любителем-археологом.

В археологическом отчете выдающегося украинского ученого, историка и археолога, этнолога и писателя, профессора (позже академика) Дмитрия Ивановича Яворницкого (1855–1940) читаем: «В виду предстоящего археологического съезда в 1905 году в г. Екатеринославе намечено было в числе других задач обследовать местность вдоль левого берега Орели, с отдаленных времен служившую границей между оседлым и кочевым населением и потому представляющую огромный интерес в археологическом отношении. Местность эта находится, по теперешнему, в пределах Екатеринославской губернии, Новомосковского и Павлоградского уездов и изобилует чрезвычайным количеством курганов и городищ. Многие из местных дворян этих уездов – П.А. Ган, М.Н. Лалаш, М.В. Родзянко, С.Н. Родзянко, С.А. Ильяшенко, А.С. Деконский, Н.Ф. Бурмейстер, Н.Н. Крашенинников и

г-жа Е.К. Кузьмич – отнеслись с редким сочувствием к делу изыскания старины и представили мне, каждый в собственном имении, все средства для раскопки курганов.

Вследствие этого уже с ранней весны текущего года я направился к берегам реки Орели и там постепенно, в течение весны, начала лета и всей осени произвел ряд раскопок в имениях – Шандровке, Татарбранке, Попасном, Афанасьевке, Бузовке, Суженом и Копылове.

Все эти имения, кроме Суженого и Копылова, тянутся, одно за другим, вдоль левого берега р. Орель и представляют собой богатое поле для изыскания старины, где можно видеть и целые могильники, и отдельные курганы, и так называемые майданы или городища различного типа и величины.

Большое внимание также заслуживают курганы в имении П.А. Гана в Шандровке и М.Н. Лалаша в Татарбранке»²⁹.

Вновь о П.А. Гане Яворницкий вспоминает в «Трудах тринадцатого археологического съезда»: «Многие из господ местных землевладельцев с редким сочувствием отнеслись к делу изыскания старины и при первом моем появлении давали от себя и деньги, и людей, и волов, и лошадей, и полное продовольствие для раскопок на их земле курганов, наперед также отдавая и самые предметы древности в Екатеринославский музей имени А.Н. Поля. Таким образом в течение трех лет мне пришлось работать на левой стороне Днепра у различных владельцев: князя Н.П. Урусова в д. Ундол-Степановке; Н.Н. Крашенинникова в с. Бузовке; А.С. Деконского в той же Бузовке; С.А. Ильяшенка в с. Афанасьевке; М.Н. Лалаша в Татарбранке; П.А. Гана в с. Шандровке – все шесть вдоль р. Орели, Новомосковского и последняя Павлоградского уезда...»³⁰

В каталоге Екатеринославского областного музея им. А.Н. Поля за 1905 г. есть перечень предметов, найденных Д.И. Яворницким во время раскопок в Шандровке. Среди раритетов предметы эпохи меди-бронзы (IV– II тыс. до н.э.): сережка, женское колечко, рыбацкий крю-

²² Желиховская В.П. За приключениями. Счастливец. Два последовательных рассказа для юношества. 4-е издание. С.-Петербург, [1900-е]. С. 193–202.

²³ Шапаренко Т.И. Корреспондент Д.И. Яворницкого Петро Ган // Грані. Науково-теоретичний і громадсько-політичний альманах. № 5, 2005. С. 55–57.

²⁴ Днепровская молва. № 4, 1899 С. 109.

²⁵ Календарь-ежегодник «Приднепровье». Екатеринослав, 1910. С. 268.

²⁶ Екатеринославский адрес-календарь на 1915 г. Екатеринослав, 1915. С. 422.

²⁷ Отчет Новомосковской уездной Земской управы за 1901 г., ч. 2. Екатеринослав, 1901. С. 167.

²⁸ Отчет-Альбом Южно-Русской областной сельскохозяйственной, промышленной и кустарной выставки. Екатеринослав, 1912. С. 277–278.

²⁹ Вестник Екатеринославского земства. Екатеринослав, 1904. С. 43–63.

³⁰ Труды тринадцатого археологического съезда в Екатеринославе. Екатеринослав, 1905. С. 109.

чок, фрагменты зеркал, бусины, железное стремя, наконечник стрелы и серебряный скифский бубенчик³¹. Петр Алексеевич Ган передал в музей также нож редкой работы и фрагмент старинной ткани, принадлежавшие патриарху семьи Августу Гану³². Свидетельством тому одно из трех сохранившихся писем П.А. Ган Д.И. Яворницкому³³, написанных между 1903 и 1912 годами. В письме П.А. Гана из Петербурга в Екатеринослав от 6.03.1908 г. читаем: «Многоуважаемый Дмитрий Иванович! Посылаю вам для музея нож прадеда и кусок материи, о которой пишу в “бумази”, чтобы не рушимо было. Не знаю, поскольку вы найдете достойными музея эти вещи, а для семьи они дороги и хочется, чтобы это не было серо для нашего областного музея, а по тому ежели их признают неинтересными, то буду усердно просить о возвращении их к пенатам. В скором времени рассчитываю вас обнять, дорогой Дмитрий Иванович, а пока шлю вам свой сердечный привет. Ваш П. Ган»³⁴.

У шандровского помещика Петра Алексеевича Гана, как упоминалось, было два сына: Алексей и Константин (в этой семье один из сыновей, как правило, старший, всегда носил имя Петра или Алексея). Константин учился и жил в Англии. Окончил Оксфордский университет и остался в Европе; позже его сын Георгий Константинович Ган (даты жизни не установлены) жил в США.

Алексей Петрович Ган (даты жизни не установлены) оставался возле отца. В 1915 году А.П. Ган женился на Софье Эмильевне Дандре (даты жизни не установлены), правнучке Разумовского (дед С.Э. Дандре был женат на внучке Кирилла Разумовского), представительнице семьи обрусевших французских дворян, у которых на Полтавщине (как и у мужа Е.П. Блаватской Никифора Васильевича Блаватского) было родовое имение.

Мать Софьи Эмильевны, Елизавета Дмитриевна Дандре (даты жизни не установлены) была, как рассказывал ее внук, «теософкой, вегетарианкой, поклонницей Е.П. Блаватской и одним из руководителей теософского общества на Украине. Кроме того, бабушка была в родстве со знаменитой теософкой Каменской»³⁵.

В конце 1915 года друг Яворницкого П.А. Ган ушел из жизни и его дети вступили в наслед-

ство. Шандровское имение на Приднепровье и великолепная дача в Алупке перешли в ведение его сына А.П. Гана. В 1916 году у Алексея и Софьи Ганов в Алупке родился сын – будущий профессор-лесовод Петр Алексеевич Ган.

После революции участник белого движения Алексей Петрович Ган оказался в Париже, долгие годы работал в Версале садовником и навсегда был разлучен с женой и сыном, оставшимися в Крыму. А в 1925-м красивую дачу, построенную свекром Софьи Эмильевны Ган, как пишет в своей автобиографии в 1992 году ее сын профессор П.А. Ган, «изъяли в пользу государства, а наша семья переехала на дачу бабушкиной сестры Екатерины Клейгельс – недалеко от нашей дачи. В 1927 г. она была разрушена землетрясением, и меня отвезли в Полтаву к бабушке Дандре». И далее: «В 1930 г. мама написала заявление о сохранении в Алупке церкви. Письмо было подписано многими верующими. За антисоветскую агитацию маму в Симферополе приговорили к ссылке и выслали в село Кобь Иркутской области. В том же году меня отправили жить к двоюродному брату бабушки Беккеру А.В. У него я прожил 2 года. В 1932 г. окончил 7 классов и поехал работать в совхоз Михайловский Панинского района. В декабре 1934 г. мама была освобождена и переехала в г. Новосибирск. Я переехал к ней. В сентябре 1935 г. поступил в Сибирский лесотехнический институт (Красноярск) на лесохозяйственный факультет. В 1941 г. с отличием окончил его и был направлен техноруком в Бешкарагайский леспромхоз. В 1944 г. был мобилизован в действующую армию. Служил в Гвардейском кавалерийском полку старшим писарем штаба полка. В 1945 г. был демобилизован. Министерством лесной промышленности СССР направлен на работу в Киргизию.

С 1945 по 1947 г. работал главным специалистом лесного хозяйства Узгенского лесхоза. В 1947 г. переведен на должность директора лесной опытной станции в г. Фрунзе. С 1952 по 1954 г. учился на высших лесных курсах в Москве, защитил кандидатскую диссертацию. До 1966 г. работал директором станции. В 1966 г. она была передана в АН Киргизии и реорганизована в Отдел леса Института биологии. В этом же году я защитил докторскую диссертацию по

³¹ Вся коллекция уже более ста лет хранится в Днепропетровском историческом музее им. Д.И. Яворницкого.

³² Выявить эти предметы в фондах музея пока не удалось.

³³ Епістолярна спадщина академіка Д.І. Яворницького. Каталог музейної колекції. Дніпропетровськ, 1992. С. 33. (Днепропетровский исторический музей им. Д.И. Яворницкого. Арх. 12912, Арх. 12914, Арх. 12915).

³⁴ Днепропетровский исторический музей им. Д.И. Яворницкого. Арх. 12914. КП-70329,

³⁵ Записано автором статьи со слов П.А. Гана в 1991 году в Бишкеке.

Профессор Петр Алексеевич Ган. 1970-е гг.

специальности лесоведение. В 1967 г. мне было присвоено звание профессора.

В 1980 г. я награжден орденом “Дружбы народов”. В 1990 г. присвоено звание “заслуженный деятель науки Киргизстана”.

С 1 января 1991 года в связи с возрастом перешел на менее ответственную должность – главного научного сотрудника, которую исполнял и в настоящее время»³⁶.

Эта автобиография была написана по нашей просьбе через год после встречи в Бишкеке. А в 1991-м она была рассказана профессором в устном и менее официальном варианте. Тогда и стало известно, что вскоре после женитьбы родителей профессора и смерти деда вступивший в наследство отец решил сделать ремонт-реконструкцию обветшавшего родового дома, а жену перевез на дачу в Алупку. Дом в шандровском имении тогда полностью разобрали, но восстановить так и не успели: лавиной хлынули рево-

люция и гражданская война. Профессор рассказывал, что, уезжая в Крым, Ганы забрали с собой мебель, родовые портреты, архив и другие семейные реликвии.

Особую ценность представлял старинный парный женский портрет. До перевозки в Алупку он многие годы висел в шандровском имении Ганов на самом почетном месте, был гордостью семьи. О двух женщинах, изображенных на портрете, говорили из поколения в поколение. Профессору о портрете «Две Елены» рассказывали мать и бабушка, а те в свое время слышали этот рассказ от самих Ганов (отца, деда профессора и других членов семьи).

О первой из изображенных женщин родственники с гордостью говорили, что она – знаменитая русская писательница Елена Андреевна Ган из рода Долгоруких-Фадеевых и была замужем за капитаном артиллерии Петром Алексеевичем Ганом, но очень рано умерла, оставив ему троих детей. Вторая – ее старшая дочь, всемирно известная основательница Международного теософского общества, исследователь,

автор теософских трудов, писательница Елена Петровна Ган, в замужестве Блаватская.

Больше профессор о портрете ничего не знал. Ему не было известно о том, кто и когда его написал, как и когда портрет попал в Шандровку. Знал он лишь то, что Ганы передавали его из поколения в поколение как особую семейную ценность.

Перед арестом в 1930-м мать профессора Софья Эмильевна успела передать этот портрет и другие реликвии семьи своей приятельнице, портнихе Зайцевой с просьбой спрятать и сохранить. Через многие годы С.Э. Ган пришлет в Крым сына с просьбой отыскать эту женщину и узнать о судьбе семейных ценностей. Петр Алексеевич найдет Зайцеву, найдет и семейные реликвии, которые она сохранила. Глубоко порядочная, но напуганная сталинскими репрессиями женщина так боялась преследований за хранение архива и реликвий аристократов, что прята-

³⁶ Ган П.А. Автобиография. 1992. Научный архив Музейного центра Е.П. Блаватской и ее семьи.

ла их на чердаке и в подвалах. Бумаги, фотографии, живописные портреты сильно пострадали от сырости, плесени, холода и жары. Парный женский портрет «Две Елены» вернулся к владельцам с множественными осыпаниями, вздутиями живописного слоя и двумя дырами на холсте. Не в лучшем состоянии было и все остальное.

П.А. Ган увез семейные ценности из Крыма и хранил у себя все последующие годы. Во время нашей встречи он принял решение передать парный портрет «Две Елены» и портрет своего прадеда Алексея Алексеевича Гана в Днепропетровский исторический музей им. Д.И. Яворницкого для Музейного центра Е.П. Блаватской и ее семьи. Так, волею потомка Е.П. Блаватской портреты, совершив долгое и драматическое путешествие, вернулись на Приднепровье. Вернулись в музей, которому дед профессора в 1905 году подарил реликвии Августа Гана, каменную половецкую бабу и предметы из археологических раскопок в Шандровке.

Уже на прощание профессор сказал: «Ищете село Шандровка на реке Орели, там было наше имение. А дачу в Алупке вы узнаете по нашему родовому гербу: шагающий петух в овале под короной – на северном и южном фасаде здания»³⁷.

Переданные Петром Алексеевичем Ганом в Днепропетровск портреты поступили в собрание Исторического музея им. Д.И. Яворницкого и в последующие годы были законсервированы. Однако и парный портрет «Две Елены», и портрет А.А. Гана требуют дальнейшей работы – их надо готовить к реставрации и продолжить изучение истории их создания и последующей судьбы.

У каждого из портретов своя тайна. Неизвестно, кем и когда они написаны. Не удастся найти информацию о герое мужского портрета – Алексее Алексеевиче Гане, подтверждающую его участие в восстании декабристов.

Неразгаданным остается и парный портрет «Две Елены». В нем еще одна тайна Е.П. Блаватской, которая говорила о себе: «Я – психологическая задача, ребус и энигма для будущих поколений – сфинкс!»³⁸

На портрете девушке не менее 14 лет, а изображена она рядом с матерью, которая умерла, когда ей не исполнилось и 11. Когда же и кем он был написан?

Исследования, которые удалось провести в последние годы, дают нам основание выстроить лишь предположительную гипотезу.

Парный женский портрет создан неизвестным автором (которыми, в том числе, могут быть и прекрасный рисовальщик П.А. Ган, и сама Е.П. Блаватская).

По версии исследователей, портрет мог быть создан в 1844–1845 годах, во время путешествия Петра Алексеевича Гана с дочерью Еленой по России и Европе. Елена Блаватская рассказывает: «Впервые я была в Лондоне вместе с отцом в 1844, а не в 1851 году... Отец привез меня в Лондон для занятий музыкой. Позднее брала уроки музыки у старого Мошеле. Жили мы где-то недалеко от Пимлико – но я за это не поручусь. <...> Мы с отцом провели неделю в Бат и целыми днями были оглушены колокольным звоном... Путешествовали два или три месяца по Франции, Германии и России»³⁹.

Об этом путешествии говорит в своей книге и исследователь Сильвия Крэнстон, относя его, однако, на основании источников и документов, к концу 1845 года⁴⁰.

Есть основания предполагать, что портрет был написан по инициативе П.А. Гана во время путешествия со старшей дочерью. На портрете нет младших брата и сестры Елены (их не было рядом с ней в те годы только во время путешествия). По всей вероятности, портрет Елены написан художником с натуры, а портрет матери –

³⁷ Мы нашли шандровское имение и дачу Ганов и их дачу в Алупке. Правда, в первом случае это лишь место на земле Приднепровья, где стояла усадьба, а во втором – искалеченный перестройками дом в Крыму. Побывав в селе Шандровка Юрьевского района Днепропетровской области и побеседовав со старожилами, мы узнали от них, что «панська якономия» располагалась не в самой Шандровке, а в нескольких километрах от нее – на хуторе Водяном (селяне произносят это название с ударением на первый слог). В том месте, где когда-то стояла процветающая старинная усадьба Ганов и располагалось их великолепное хозяйство, мы нашли лишь заросшую высокими травами июня степь, в некоторых местах с поросшими крапивой возвышениями и какими-то ямами, похожими на провалы. Несколько озер. Хозяйственные постройки 1920–1960-х, ныне тоже заброшенные. И единственное указание на барскую усадьбу – огромные, великолепные ясени, высаженные когда-то двумя рядами широкой аллеи и все еще сохраняющие свой строй. Потребуется специальное исследование, чтобы в дальнейшем получить новую информацию об усадьбе Ганов, в которой неоднократно бывала Е.П. Блаватская. Дача в Алупке – красивый дом, построенный в стиле модерн, – стала сегодня детским санаторием. Герб Ганов – «шагающий петух в овале под короной» (корона, как один из элементов герба Ганов, венчала и личную печать Е.П. Блаватской), который еще недавно можно было увидеть на фасадах здания, ныне кем-то и зачем-то сбит.

³⁸ Писарева Е.Ф. Елена Петровна Блаватская. Биографический очерк. Женева, 1937. С. 44.

³⁹ Letters of H.P. Blavatsky to A.P. Sinnett. Ed. By A.T. Barker. N.Y.-L., 1923. P. 150 (цит. по книге: Нэф К. Мэри. Личные мемуары Е.П. Блаватской. М., 1993. С. 8).

⁴⁰ Крэнстон Сильвия при участии Уильяма Кэрри. Е.П. Блаватская: Жизнь и творчество основательницы современного теософского движения. Рига–Москва, 1999. С. 642.

по памяти или по имевшемуся в его распоряжении изображению: в виде медальона, миниатюры он мог быть с собой у Елены или у овдовевшего недавно Петра Алексеевича.

На портрете женщина изображена на темном, а девушка – на светлом фоне. Фигуры скорбно склонены друг к другу. На лицах печаль. Все это, в определенной степени, может свидетельствовать, что портрет писался после смерти Е.А. Ган, в память о ней.

Можно предполагать, что именно П.А. Ган, зная, что вновь расстанется с любимой дочерью, был инициатором создания этого парного портрета. Вероятно, Петр Алексеевич оставил его в Шандровке, куда заехал с дочерью в конце путешествия, или привез чуть позже. Основанием для последнего предположения служит то, что портрет с давних времен и до начала XX века висел в шандровском имении, хранился и передавался Ганами из поколения в поколение. Если бы он был создан в другое время и при других обстоятельствах, то, исходя из биографии Е.П. Блаватской, он должен был бы храниться в семье Фадеевых в Тифлисе (Тбилиси), затем у Надежды Андреевны Фадеевой (в Одессе), у Веры Петровны Желиховской (в Петербурге) или Леонида Петровича Гана (в Ставрополе).

Возвращенные на родину профессором Петром Алексеевичем Ганом семейные портреты-реликвии предназначены, согласно его воле, создающемуся на базе Днепропетровского исторического музея им. Д.И. Яворницкого Музейному центру Е.П. Блаватской и ее семьи⁴¹. Из уст профессора П.А. Гана, вероятно, могли бы прозвучать те же обращенные к нам слова, которые произнес профессор Н.К. Рерих в 1925 году в Адьяре: «В этом доме Света позвольте мне вручить картину, посвященную Елене Петровне

Г. Шмайхен. Портрет Е.П. Блаватской. 1885

Блаватской. Пусть положит она начало будущему музею Блаватской, девизом которого будет: «Красота – одеяние Истины»⁴².

В 1991-м, когда перспективы создания музея, казалось, были определены и мы не предполагали, что потребуются годы борьбы за Дом и за саму идею Музейного центра, был получен этот бесценный дар от потомков Е.П. Блаватской.

Портрет «Две Елены» стал символом и залогом того, что проект Музейного центра Е.П. Блаватской и ее семьи будет реализован. Завершить эту публикацию автор хотел бы текстом обращения ко всем, кому не безразлична судьба создающегося на родине Вестника Света Музейного центра Е.П. Блаватской и ее семьи.

⁴¹ Ныне портрет «Две Елены», в ожидании открытия Музейного центра Е.П. Блаватской и ее семьи, экспонируется в музее-отделе «Литературное Приднестровье» Днепропетровского исторического музея.

⁴² Рериховский вестник. 1989. Июль – дек. Л., Извара, 1991. С. 52–54.

Письмо-обращение

В Днепропетровске, на родине Елены Петровны Блаватской, с 1991 года, не прерываясь, ведутся работы по созданию в Доме Фадеевых по ул. Ленинградской, 11 (в XIX ст. – Петербургской) Музейного центра Е.П. Блаватской и ее семьи. Путь к реализации проекта оказался долгим и многотрудным. Потребовалось 14 лет работы, чтобы достичь важного результата: в декабре 2004 года дом-памятник, в котором родилась Е.П. Блаватская и который двадцать лет (с 1815 по 1834) принадлежал семье ее деда А.М. Фадеева, решением Кабинета Министров Украины, Днепропетровского облсовета и облгосадминистрации передан на баланс Исторического музея им. Д.И. Яворницкого.

Все эти годы на базе Исторического музея идут работы по созданию научной документации Музейного центра, сбору коллекции экспонатов (ныне их более 7 тысяч), комплектованию научной библиотеки (сегодня – 2500 томов). Экспонируются в разных городах выставки и выставки-презентации, проводятся научные конференции и семинары, тематические встречи, круглые столы, культурологические акции. Растет и ширится круг друзей и помощников.

Научная концепция Музейного центра Е.П. Блаватской и ее семьи предполагает создание международного научного и культурологического центра нового типа, включающего в себя:

- музейные экспозиции и выставки;
- научную библиотеку;
- исследовательскую лабораторию;
- клубные и общественные объединения;
- места креативного использования;
- садово-парковую зону, воссозданную в границах городской усадьбы Фадеевых;
- самодостаточный научно-туристический центр, способный принять гостей со всего мира.

В январе – августе 2005 года в Доме Фадеевых проведены комплексные историко-архитектурные и инженерно-химические диагностические исследования, что позволило выявить его первоначальный облик и техническое состояние. Работы завершены, и специалисты приступили к созданию проекта реставрации и музеефикации дома-памятника.

Мы прошли сложный этап юридического оформления и первоначального научного обос-

нования проекта Музейного центра Елены Петровны Блаватской и ее семьи. Пришло время придать ему статус международного проекта, объединить всех заинтересованных, создать общественный совет, представляющий различные общественные группы и движения. Мы ищем союзников и друзей, готовых подтвердить свое намерение участвовать в реализации проекта. Объединение единомышленников вокруг идеи Музейного центра Е.П. Блаватской считаем важнейшей задачей ныне и на все последующие годы.

Сообщаем имена, телефоны руководителей проекта и реквизиты счета для благотворительных пожертвований.

Надежда Ивановна Капустина – директор Днепропетровского исторического музея им. Д.И. Яворницкого т. +38 (0562) 46–24–28

Татьяна Владимировна Головченко – председатель Объединения теософов «София», соучредитель Благотворительного фонда «Центр Е.П. Блаватской».

tg@center-hpb.net.ua

Елена Валентиновна Аливанцева – заведующая научным отделом Музейный центр Е.П. Блаватской и ее семьи, Президент Благотворительного фонда «Центр Е.П. Блаватской»

т. +38 (056) 778–01–00

alivanceva@optima.com.ua

Реквизиты для переводов в рублях (RUR):

Получатель: Благотворительный фонд «Центр Е.П. Блаватской»

Украина, 49027, г. Днепропетровск, пр. К. Маркса, 18;

Расчетный счет получателя:

009–26000236210100

Банк получателя: счет 30 231 810 600 000 000 179

АППБ «Аваль», г. Киев

Для зачисления АППБ «Аваль», г. Днепропетровск на счет №3901942

Банк корреспондента: БИК 044525225, ИНН 7707083893

Сч. в РКЦ ЦБРФ №30101810400000000225

Сбербанк России, г. Москва, Россия

Детали платежа: Благотворительный взнос

С надеждой на сотрудничество и благодарность.